

121/53
327
В. ДЖАКОБСЪ
И ДРУГІЕ

ВЕСЕЛЫЕ РАЗСКАЗЫ

С.-ПЕТЕРБУРГЪ
1909

В. ДЖАКОВСЪ

И ДРУГІЕ

ВЕСЕЛЫЕ РАЗСКАЗЫ

С.-ПЕТЕРБУРГЪ

1909

Типографія А. С. Суворина. Зртел въ пер., д. 13

ОГЛАВЛЕНІЕ.

	СТРАН.
Квартира Трикотрена. Л. Меррика	1
Перехитрили. Ф. Фрибера	22
Двойникъ. В. В. Джакобса	44
Его Сіятельство. В. В. Джакобса	65
Хитрость за хитрость. В. В. Джакобса	82
Въ семьѣ. В. В. Джакобса	97
Испытаніе. В. В. Джакобса	114
Вмѣшательство полковника. Э. Кэскэтъ	133
Неудачная прогулка м-ра Бостока. Арт. Мор- рисона	146
Четыре голубя. В. В. Джакобса	167

ЕГО СІЯТЕЛЬНОСТЬ.

Разсказъ В. В. Джакобеа.

Фермеръ Розъ сидѣлъ на крылечкѣ своего дома и курилъ трубку. Рядомъ съ нимъ въ удобномъ креслѣ съ высокой спинкой сидѣлъ его другъ—мельникъ; онъ тоже курилъ и, разглядывая лѣниво прищуренными глазами разстилавшійся передъ нимъ сельскій ландшафтъ, въ сотый разъ выслушивалъ жалобы своего друга на его дочь.

— Дѣло въ томъ, Грей,—говорилъ фермеръ грустнымъ и въ то же время гордымъ тономъ,—дѣло въ томъ, что она слишкомъ красива.

Мельникъ пробурчалъ что-то.

— Что правда, то правда, хотя она и моя дочь,—продолжалъ между тѣмъ собесѣдникъ,—она слишкомъ красива! Иной разъ, когда я беру ее съ собой на ярмарку, я замѣчаю, что люди больше смотрятъ на нее, чѣмъ на скоть, выведенный для продажи. А послѣдствіемъ этого является, конечно, то, что она смотрится въ зеркало и видитъ въ немъ себя, ну, и становится

послѣ этого разборчивой и капризной... Она увѣряетъ, что въ нашемъ краю нѣтъ никого, кто годился бы ей въ мужья.

— Я удивляюсь только тому,—проговорилъ мельникъ задумчиво,—въ кого собственно она уродилась такой красавицей?

— Да,—сказалъ также задумчиво фермеръ, размышляя, какъ бы, сохраняя должную скромность, просвѣтить на этотъ счетъ своего друга.

— Она вѣдь ни капли не похожа на свою покойную мать,—продолжалъ Грей.

— Да, лицомъ она не въ мать!—согласился мистеръ Розъ.

— По-моему, это игра природы. Вѣдь бываетъ же, что изъ уродливой луковицы вырастаетъ вдругъ дивный цвѣтокъ!

Фермеръ съ шумомъ вытрясъ пепель изъ своей трубки и затѣмъ началъ снова набивать ее.

— Люди говорятъ, что она походитъ немного на меня,—замѣтилъ онъ коротко.

— Но вѣдь ты же не такъ глупъ, чтобы вѣрить этому? Она такъ же похожа на тебя, какъ ты на грѣлку, не больше.

Мистеръ Розъ съ сожалѣніемъ взглянулъ на своего друга и сказалъ укоризненно:

— Надо отдать тебѣ справедливость, ты не умѣешь льстить.

— Я никогда не былъ и не буду льстецомъ,—отвѣчалъ мельникъ.—Да къ тому же всѣмъ не угодишь. Вѣдь если бы я сказалъ твоей дочери,

что она похожа на тебя, она не стала бы и разговаривать со мной послѣ этого.

— Хуже всего то,—продолжалъ фермеръ, пропуская мимо ушей это замѣчаніе,—что она ни за что не хочетъ выходить замужъ. Молодой Ломась ухаживаетъ теперь за ней, а она даже не желаетъ смотрѣть на него. Это вполнѣ приличный и очень достойный молодой человѣкъ, а она назвала его именемъ одну изъ своихъ свиней и нарочно постоянно смѣшиваетъ ихъ въ разговорѣ.

— Если бы она была моя дочь,—сказалъ мельникъ рѣшительно,—я заставилъ бы ее выйти за Ломаса. Что она имѣетъ противъ него?

— Она мѣтитъ выше,—сообщилъ таинственно фермеръ,—она начиталась романовъ и постоянно толкуетъ объ одной дѣвушкѣ, которая поступила сначала на сцену, а потомъ вышла замужъ за барона. Увѣряю тебя, она останется старой дѣвой и осрамить меня навѣки...

— Надо бы проучить ее,—строго остановилъ его мистеръ Грей.—Надо заставить ее понять свое положеніе въ свѣтѣ и отказаться отъ глупыхъ затѣй называть свиней именами знакомыхъ молодыхъ людей.

Мистеръ Розъ вздохнулъ.

— Надо заставить ее понять, что люди, стоящіе выше ея по своему положенію въ свѣтѣ, даже не взглянуть на нее,—развивалъ свою мысль мельникъ.

— Это было бы очень хорошо, но тогда надо доказать ей это на дѣлѣ,—отвѣтилъ фермеръ.

— По-моему, — продолжалъ мистеръ Грей серьезно,—я бы устроилъ дѣло такъ. Я уговорилъ бы какого нибудь знакомаго разыграть роль знатнаго барина, пригласилъ бы его погостить къ себѣ и попросилъ бы его обращаться съ твоей дочерью свысока, не смущаясь ея смазливою наружностью. А затѣмъ, когда она придетъ въ отчаяніе отъ этого, на сцену долженъ явиться Ломась и разыграть роль ея утѣшителя.

Мистеръ Розъ вытащилъ трубку изо рта и посмотрѣлъ на своего друга съ недоумѣніемъ.

— Да, но...—началъ онъ.

— Мнѣ кажется, — продолжалъ мистеръ Грей,—я даже знаю такого человѣка, который могъ бы оказать тебѣ эту услугу. Это племянникъ моей жены. Онъ собирался пріѣхать погостить къ намъ недѣли на двѣ, но я съ удовольствіемъ уступлю его тебѣ. Надо тебѣ сказать откровенно, я лично съ нимъ не особенно лажу.

— Но, можетъ быть, онъ не согласится на это?

— Наоборотъ,—рѣшительно заявилъ мистеръ Грей.—Для насъ это будетъ потѣха, а для нея—хорошій урокъ. Если хочешь, я скажу ему, чтобы онъ написалъ тебѣ и попросилъ у тебя помѣщенія, чтобы немного отдохнуть на лонѣ природы послѣ утомительныхъ городскихъ увеселеній.

— Послѣ утомительныхъ городскихъ увеселеній!—повторилъ восхищенный фермеръ:—превосходно!

Онъ откинулся на спинку стула и залился веселымъ смѣхомъ; мистеръ Грей отъ души вторилъ ему, такъ какъ радовался при мысли, что ему такимъ образомъ удастся избавиться отъ своего докучливаго гостя. Но, кромѣ нихъ, смѣялось еще и третье лицо, помѣщавшееся въ открытомъ окнѣ надъ ихъ головой, но такъ тихо и беззвучно, что они не разслышали этого смѣха.

Дня два спустя фермеръ получилъ обѣщанное письмо, и между Дженъ Розъ съ одной стороны и лордомъ Фермонтомъ съ другой—завязалась оживленная переписка: по настоянію самой Дженъ, отецъ поручилъ ей эту переписку, потому что, по ея мнѣнію, онъ былъ недостаточно образованъ для того, чтобы отвѣчать на письма такого важнаго лица.

— Какъ жаль, что онъ непременно хочетъ сохранить свое инкогнито, — говорила миссъ Дженъ отцу, надписывая адресъ послѣдняго письма.—Мнѣ бы такъ хотѣлось, чтобы Грей и всѣ остальные знали, кто гоститъ у насъ. Но придется подчиниться его желанію.

— Да, надо сдѣлать такъ, какъ онъ проситъ, — отвѣтилъ отецъ, усиленно сморкаясь.

Дѣвушка вздохнула.

— Во всякомъ случаѣ, это будетъ хоть подходящее общество для меня. Что съ тобой, отецъ?

— Немного простудился,—отвѣчалъ фермеръ, все еще закрывая лицо платкомъ и направляясь къ дверямъ:—вѣдь это со всякимъ можетъ случиться.

Онъ надѣлъ фуражку и ушелъ.

Когда вскорѣ послѣ того мистеръ Розъ вернулся къ обѣду, то онъ увидѣлъ у себя вавилонское столпотвореніе отъ выставленной мебели и цѣлыхъ облаковъ пыли. Веселость его стала тогда замѣтно менѣ шумной.

— Ты хочешь обѣдать? — спросила Дженъ, когда онъ наконецъ пробился къ ней черезъ барикаду, устроенную изъ сдвинутой мебели.— Намъ некогда думать объ обѣдѣ. Да тебѣ негдѣ и ѣсть его. Лучше отправляйся въ кухню и самъ отрѣжь себѣ тамъ кусокъ ветчины и хлѣба.

Мистеръ Розъ постоялъ немного въ задумчивости, глядя на горничную Анни, голова которой была повязана платкомъ отъ пыли, а въ рукахъ виднѣлись щетка и грязная тряпка, и затѣмъ потихонько побрелъ въ кухню.

Закусивъ на скорую руку и наотрѣзъ отказавшись помочь горничной передвинуть рояль, онъ зажегъ трубку и отправился въ садъ покутить тамъ на свободѣ.

На слѣдующій день прибылъ лордъ Фермонтъ. Онъ пришелъ съ вокзала пѣшкомъ и, отвѣтивъ небрежнымъ кивкомъ на низкій поклонъ фермера, приказалъ послать когонибудь за вещами на станцію. Это былъ высокаго роста молодой

человѣкъ, очень пріятной наружности. Онъ прошелся нѣсколько разъ по верандѣ и, остановившись передъ фермеромъ, спросилъ его:

— Это ваши дочери?

— Одна моя дочь,—отвѣтилъ тотъ.

— У нея ваши глаза,—сказалъ лордъ, останавливаясь передъ Анни и небрежно взявъ ее за подбородокъ.—Да и носъ вашъ!—прибавилъ онъ, къ удивленію Анни.

— Это горничная, а не дочь,—сказалъ фермеръ недовольнымъ тономъ.

— Да?—промолвилъ лордъ равнодушно.

Онъ обернулся, посмотрѣлъ на Дженъ, и слова замерли у него на языкѣ. Въ комнатѣ воцарилось продолжительное молчаніе, прерываемое только хихиканьемъ Анни, убѣжавшей въ кухню.

— Надѣюсь, что ваше сіятельство будете чувствовать себя у насъ, какъ дома,—сказала Дженъ.

— Надѣюсь, моя милая,—былъ отвѣтъ.—А теперь покажите мнѣ мою комнату.

Миссъ Розъ пошла впередъ, указывая дорогу, и открыла дверь въ одну изъ комнатъ: лордъ Фермонтъ заглянулъ въ нее и скорчилъ недовольную гримасу.

— Неужели это ваша лучшая комната?—спросилъ онъ презрительно.

— О, нѣтъ!—отвѣтила дѣвушка, улыбаясь,—папина комната гораздо лучше. Посмотрите ее.

Она открыла другую дверь, не обращая вниманія на знаки, которые ей дѣлалъ издали отецъ, и вопросительно взглянула на лорда.

— Если вы предпочитаете эту комнату,—сказала она,—папа будетъ въ восторгѣ и очень охотно уступить ее вамъ.

— Да, я возьму эту комнату,—рѣшительно заявилъ лордъ Фермонтъ.—Принесите мнѣ горячей воды и прикажите вычистить мои сапоги.

Миссъ Розъ поспѣшно бросилась въ кухню, какъ бы не замѣчая отца, хотѣвшаго, повидимому, начать объясненіе съ нею, и велѣла Анни позаботиться о горячей водѣ для лорда.

Къ большому огорченію фермера, онъ услышалъ вслѣдъ затѣмъ, что ему придется подождать съ обѣдомъ, такъ какъ раньше надо накормить лорда. Приготовленія эти подъ руководствомъ его дочери заняли очень много времени, и когда, наконецъ, и ему подали ѣсть, кушанья были совершенно холодныя. Онъ, однако, ничего не сказалъ и съѣлъ все молча, а потомъ пошелъ къ своему гостю, чтобы переговорить съ нимъ о нѣкоторыхъ подробностяхъ, касающихся его дальнѣйшаго пребыванія въ домѣ.

Однако, благодаря хлопотамъ и усердію Дженъ, ему пришлось потратить почти все утро, чтобы добиться свиданія съ лордомъ. Впрочемъ и послѣ этого ему удалось сказать только нѣсколько словъ его сіятельству и предупредить гостя, что онъ долженъ обѣдать со всѣми въ одно время. Дальнѣйшіе переговоры относительно перемѣны комнаты были опять прерваны Дженъ, явившейся въ комнату неизвѣстно зачѣмъ.

Вскорѣ затѣмъ лордъ пошелъ прогуляться, а когда вернулся, то засталъ миссъ Дженъ за работой въ столовой.

У молодого человѣка былъ очень скучающій видъ. Мрачно поглядывая на пламя камина, онъ проговорилъ недовольнымъ голосомъ:

— Какое скучное мѣстечко!

— Да, ваше сіятельство,—отвѣтила Дженъ смиренно.

— Ужасно скучно,—продолжалъ лордъ, зѣвая.—Положительно не знаю, что я буду дѣлать здѣсь въ теченіе цѣлыхъ двухъ недѣль?

— Да, здѣсь развлеченій немного, ваше сіятельство! Мы вѣдь простые люди!—согласилась миссъ Розъ и стала прилежно вышивать.

Лордъ Фермонтъ взялъ книгу и, помня данныя инструкціи, читалъ въ продолженіе цѣлыхъ двухъ часовъ, не обращая никакого вниманія на молодую дѣвушку. Миссъ Розъ раза два взглянула на него съ страннымъ, загадочнымъ выраженіемъ, потомъ опять молча продолжала свою работу.

— Какіе у нея прелестные глаза!—думалъ юноша въ этотъ вечеръ, сидя въ своей комнатѣ и обдумывая все, что произошло съ нимъ въ этотъ день.

Въ продолженіе нѣсколькихъ дней, къ великому удовольствію фермера, онъ великолѣпно игралъ свою роль и продолжалъ относиться по-прежнему презрительно и свысока ко всѣмъ окружающимъ.

— Мнѣ только не нравится ваша манера обращаться со мной,—говорилъ фермеръ, оставаясь наединѣ съ своимъ гостемъ.

— Но вѣдь и это входитъ въ роль, которую я долженъ играть!—отвѣчалъ ему тотъ.

— Вы можете обойтись и безъ этого,—рѣзко замѣтилъ ему фермеръ:—я положительно запрещаю вамъ говорить со мною такимъ тономъ, особенно въ присутствіи горничной. Можете быть горды и высокомерны съ моею дочерью, но не со мной. Запомните это!

Молодой человѣкъ обѣщалъ запомнить и дѣйствительно перемѣнилъ свое обращеніе, но не только съ фермеромъ, а и съ его дочерью.

— Надѣюсь, ваше сіятельство чувствуете себя хорошо у насъ?—спросила какъ-то Дженъ, оставшись съ нимъ вдвоемъ въ столовой.

— Я никогда не чувствовалъ себя такъ хорошо. Никогда и нигдѣ,—отвѣтилъ лордъ съ жаромъ.

Миссъ Розъ покачала головой.

— Ваше сіятельство, вы забыли про свой замокъ?

Лордъ Фермонтъ промолчалъ. Онъ нѣсколько дней уже думалъ о томъ, какъ хорошо было бы обзавестись собственной мебелью и собственнымъ домомъ.

— Я никогда еще не видала ни одного замка,—воскликнула миссъ Дженъ, съ благоговѣніемъ глядя на лорда.—Я такъ была бы рада, если бы ваше сіятельство согласились подробно описать мнѣ вашъ замокъ!

Лордъ безпокойно заворочался на стулѣ, но, уступая убѣдительнымъ просьбамъ дѣвушки, ему пришлось - таки описать и замокъ, и его обстановку.

— Какъ счастливы вы должны быть! — воскликнула Дженъ, когда ея гость копчилъ наконецъ свое повѣствованіе.

Онъ грустно покачалъ головой.

— Мои владѣнія никогда еще не дѣлали меня счастливымъ, — сказалъ онъ. — Я гораздо охотнѣе помирился бы съ самымъ скромнымъ положеніемъ въ свѣтѣ, лишь бы жить, гдѣ хочу, и жениться, на комъ хочу.

Тонъ его словъ былъ такъ многозначителенъ, что миссъ Дженъ невольно вздохнула и опустила глаза. Потомъ нѣжнымъ голосомъ она начала спрашивать гостя о томъ, какого рода жизнь онъ выбралъ бы себѣ, если бы могъ.

Тогда лордъ Фермонтъ сталъ говорить необыкновенно краснорѣчиво, какъ онъ хотѣлъ бы жить въ маленькомъ городѣ, въ самомъ обыкновенномъ домѣ въ пять-шесть комнатъ, съ небольшимъ садикомъ. Онъ говорилъ съ такимъ жаромъ, такъ оживленно, что его собесѣдница не спускала съ него глазъ.

— О, милордъ! — воскликнула вдругъ Дженъ: — теперь я понимаю, въ чемъ дѣло! Вы, вѣроятно, сами лично раздавали милостыню?

— Какую милостыню? — съ удивленіемъ спросилъ лордъ Фермонтъ.

— Вы не могли бы описывать такъ хорошо подобные дома, если бы сами не побывали въ нихъ, когда навѣщали бѣдныхъ!

— Вы не понимаете меня,—возразилъ лордъ Фермонтъ нетерпѣливо:—эти дома настолько хороши, что каждый изъ насъ можетъ жить въ нихъ. Если бы вы подали милостыню людямъ, живущимъ тамъ, они указали бы вамъ на дверь.

— А, всетаки, вамъ не слѣдуетъ посѣщать эти жалкія жилища, ваше сіятельство, — сказала Дженъ, собираясь уходить:—даже такая простая дѣвушка, какъ я, и та не рѣшилась бы отправиться туда!

Она поклонилась и скрылась изъ комнаты. Молодой человѣкъ сѣлъ на стулъ и, сунувъ руки въ карманы, предался грустнымъ размышленіямъ.

Фермеръ, увидѣвъ перемѣну въ обращеніи лорда съ его дочерью, былъ очень недоволенъ этимъ и объяснилъ все тѣмъ, что слова его слишкомъ подѣйствовали на молодого человѣка.

— По всей вѣроятности, вы скучаете по городскимъ увеселеніямъ, ваше сіятельство?—спросилъ онъ его какъ-то за завтракомъ.

Лордъ Фермонтъ молча покачалъ головой; вѣдь онъ прекрасно зналъ, что городскія удовольствія его заключались въ сидѣніи на высокомъ табуретѣ передъ конторкой!

— Я не люблю вообще города,—сказалъ наконецъ лордъ.—Если бы выборъ зависѣлъ отъ меня, я бы предпочелъ остаться здѣсь навсегда.

Я бы желалъ жить именно здѣсь, въ этомъ очаровательномъ мѣстечкѣ, въ обществѣ людей, которыхъ я такъ уважаю.

Мистеръ Розъ кашлянулъ и, встрѣтившись глазами съ лордомъ, молча показалъ ему на Дженъ. Но молодой человѣкъ точно сорвался съ цѣпи. Не обращая никакого вниманія на знаки фермера, онъ въ продолженіе цѣлыхъ десяти минутъ не переставалъ бранить аристократію и поносить палату лордовъ. Мистеръ Розъ молча, съ открытымъ ртомъ смотрѣлъ на эту змѣю, пригрѣтую на его груди.

— Ваше сіятельство навѣрное измѣните опять свои взгляды, какъ только очутитесь въ городѣ,— скромно замѣтила Дженъ.

— Никогда!—съ жаромъ воскликнулъ лордъ.

Дѣвушка вздохнула и, взглянувъ съ удивленіемъ на своего отца, который взволнованно жестикулировалъ, сказала, обращаясь къ своему гостю:

— Мы всѣ будемъ сожалѣть о васъ. Вы послужили для всѣхъ насъ такимъ хорошимъ примѣромъ.

— Примѣромъ?—спросилъ онъ, покраснѣвъ.

— Наши манеры значительно измѣнились къ лучшему съ тѣхъ поръ, какъ въ нашемъ домѣ поселился лордъ,—замѣтила миссъ Розъ съ удивительнымъ смиреніемъ.—Отецъ сталъ совершенно другимъ человѣкомъ съ того дня, какъ вы пріѣхали къ намъ.

— Что ты хочешь сказать этимъ?—спросилъ фермеръ грубо.

— Не говори такъ въ присутствіи его сіятельства,—поспѣшно остановила его дочь.—Вѣдь я и не думала осуждать тебя; ты ничѣмъ не хуже всѣхъ остальныхъ мужчинъ нашей деревушки. Ты не получилъ должнаго воспитанія, но вѣдь это не твоя вина.

— Воспитанія?—протянулъ фермеръ, съ ненавистью взглядывая на своего ни въ чемъ неповиннаго гостя.—Развѣ вы можете сказать что-нибудь противъ моего воспитанія?

— Конечно, нѣтъ,—поспѣшно замѣтилъ лордъ Фермонтъ.

— Я хотѣла бы, чтобы вы пробыли у насъ еще хоть полгода ради папы,—сказала миссъ Дженъ.

Мистеръ Розъ съ шумомъ отодвинулъ стулъ и всталъ изъ-за стола. Одну секунду онъ боролся съ видимымъ желаніемъ сказать что-то, потомъ сдержался и вышелъ молча изъ комнаты, съ такою силою хлопнувъ дверью, что видно было, какъ онъ еще нуждался въ хорошемъ примѣрѣ.

— Вы разсердили отца,—сказалъ лордъ.

— Это ради его же пользы,—отвѣтила миссъ Дженъ.—А вы дѣйствительно жалѣете, что принуждены разстаться съ нами?

— Сожалѣю ли?—повторилъ ея собесѣдникъ.

— Вы будете скучать безъ моего отца?—спросила дѣвушка.

— Безъ васъ!—воскликнулъ онъ вдругъ.—Вы мнѣ нужнѣе солнца, нужнѣе воздуха!

— Очень рада! Такъ пріятно знать, что тебя не забудутъ. Я, въ свою очередь, тоже не забуду васъ. Вѣдь вы единственный аристократъ, котораго я когда либо видѣла.

— Неужели только мой титулъ заставитъ васъ помнить обо мнѣ? Но представьте себѣ, что я не тотъ, за кого вы меня принимаете! Представьте, что я вернусь не въ замокъ, а въ контору, гдѣ я служу?

— Въ контору?—повторила миссъ Дженъ и сдѣлала видъ, что содрогается при этой мысли.— Но какъ же я могу предположить подобный вздоръ?

Лордъ грустно покачалъ головой.

— Я охотнѣе согласился бы быть послѣднимъ батракомъ на этой фермѣ, чѣмъ самымъ знатнымъ человѣкомъ во всемъ мірѣ.

Миссъ Розъ задумчиво выводила какіе-то узоры носкомъ ботинки по полу.

— Самый послѣдній батракъ вашей фермы обладаетъ волшебнымъ счастьемъ: онъ можетъ видѣть васъ каждый день. Онъ каждый день можетъ видѣть васъ, и благодаря этому сдѣлается лучшимъ человѣкомъ, чѣмъ былъ раньше.

Миссъ Розъ внимательно взглянула на лорда, но лицо его было серьезно: онъ, видимо, не шутилъ.

— Я уѣзжаю завтра,—продолжалъ онъ тихо.

— Да, я знаю, — отвѣтила Дженъ также тихо.

Онъ медленно подошелъ къ ней и сѣлъ рядомъ. Миссъ Розъ пристально разглядывала полъ и удивлялась въ душѣ тому, что она нисколько не краснѣетъ. Краснорѣчивый лордъ вдругъ сразу смолкъ, и въ комнатѣ водворилось неловкое молчаніе.

— Я былъ глушь, — сказалъ онъ наконецъ, вставая. — Я позволилъ себѣ большую дерзость. Я обманывалъ васъ въ продолженіе цѣлыхъ двухъ недѣль.

— Неправда! — рѣшительно заявила миссъ Дженъ.

— Я обманывалъ васъ, — повторилъ онъ, — я заставилъ васъ думать, что я человѣкъ съ титуломъ.

— Неправда! — повторила тѣмъ же тономъ миссъ Дженъ.

Ея собесѣдникъ вздрогнулъ и внимательно посмотрѣлъ на нее.

— Вѣдь никто бы и не принялъ васъ за лорда, — жестоко замѣтила ему Дженъ. — Я увѣрена, что вы и не видѣли никогда лорда въ своей жизни! Вы играли свою роль очень неважно. Вашъ дядя Грей, навѣрное, исполнилъ бы ее удачнѣе.

Племянникъ мистера Грея чуть не упалъ со стула при этихъ словахъ и смотрѣлъ на нее, ничего не понимая. Она разсмѣялась, но не всегда смѣхъ бываетъ заразителенъ: ему было не до смѣха.

— Я понять не могу,— продолжала миссъ Дженъ сквозь смѣхъ,— какъ вы могли думать, что я буду настолько глупа, что повѣрю вамъ?

— Я былъ дуракъ,— сказалъ молодой чело-вѣкъ, поднимаясь, чтобы уйти.— Прощайте!

— Прощайте,— отвѣтила Дженъ.

Она посмотрѣла ему въ лицо, и на этотъ разъ яркая краска густо покрыла ея щеки.

— Можете, впрочемъ, не уходить, если хотите,— промолвила она тихо:— я больше люблю дураковъ, чѣмъ лордовъ!

ХИТРОСТЬ ЗА ХИТРОСТЬ.

В. В. Джакобса.

I.

Пріѣхавъ сюда изъ душнаго Лондона подышать воздухомъ, Фрэдъ Картеръ гулялъ съ наслажденіемъ по берегу, вдыхая свѣжій морской воздухъ. Вдругъ онъ увидѣлъ какихъ-то двухъ людей, остановившихся недалеко отъ него и видимо наблюдавшихъ за нимъ. Видя, что Фрэдъ обратилъ на нихъ вниманіе, они подошли къ нему. Одинъ изъ нихъ былъ коренастый, крѣпко сложенный человѣкъ лѣтъ 50-ти; другой молодой, повидимому, его сынъ.

— Добрый вечеръ!—сказалъ первый, подойдя вплотную къ Фрэду.

— Добрый вечеръ!—отвѣтилъ тотъ.

— Это онъ!—сказали они оба.

Въ ихъ взглядахъ была такая нескрываемая враждебность, что Картеръ съ тревогою ждалъ разъясненія ихъ страннаго замѣчанія.

— Что вы можете сказать про себя?—спросилъ наконецъ старшій.—Кого выждете? Кто вы такой?

— Я никого не жду,—пробормоталь Фрэдъ съ улыбкой смущенія.—Можеть быть, вы меня принимаете за кого-то другого?

— Не говорилъ ли я,—торжествующе сказалъ младшій,—что онъ непременно это скажетъ?

— Онъ можеть говорить, что ему угодно,—пегодуявозразиль отецъ,—но теперь онъ попался. Я сразу его узналъ, какъ только увидѣлъ.

— А что мы теперь будемъ дѣлать съ нимъ, если ужъ мы его поймали?—спросиль сынъ.

Старикъ сжалъ кулаки и съ ненавистью оглядѣлъ Фрэда.

— Если бы отъ меня зависѣло, я бы отколо- тиль его хорошенько да и бросиль бы въ море!

Сынъ покачалъ головой.

— Отъ этого Нанси не выиграеть,—замѣтиль онъ.

— Это правда,—согласился отецъ.—Я думаю, лучше всего взять его за шиворотъ и тащить къ Нанси.

— Попробуйте только!—разсердился Кар- теръ.—А кто это Нанси?

Отецъ зарычалъ вмѣсто отвѣта и кинулся на Фрэда съ поднятыми кулаками, но сынъ удержаль его руку.

— Только разъ!—дрожаль отъ ярости.— Только разъ! Это будетъ мнѣ облегченіемъ. Я тогда успокоюсь!

— Берегитесь!—сказаль Картеръ.—Вы под- нимаете такую суматоху, принимая меня за кого-

то другого. Въ чемъ же именно вы меня обвиняете?

— Васъ обвиняють въ томъ, что вы соблазнили мою дочь, господинъ «Кто-то другой!» — наступая на Картера, прохрипѣлъ отецъ, — а когда она обѣщала выйти за васъ замужъ, вы удрали въ Лондонъ. Четыре года бѣдняжка страдаетъ по васъ и рѣшила уже, что васъ нѣтъ на свѣтѣ!

— А она вѣрна даже вашей памяти, — прибавилъ сынъ.

— И не глядите на другихъ жениховъ! — продолжалъ отецъ.

— Тутъ, очевидно, недоразумѣніе, — сказалъ Картеръ. — Я въ этихъ мѣстахъ первый разъ въ жизни!

— Ну, ладно, тащи его! — перебилъ сынъ нетерпѣливо. — Чего тутъ терять время на болтовню.

— Я пойду самъ, чтобы доказать вамъ, что вы ошибаетесь. Нѣтъ надобности меня тащить!

И онъ пошелъ съ ними по направленію къ поселку, повременамъ останавливаясь, чтобы любоваться видомъ.

Одинъ разъ онъ особенно задержался, такъ что его конвойные пришли въ ярость.

— И вдругъ, — сказалъ Картеръ съ отчаяніемъ, — она также ошибется, увидѣвъ меня. О, Господи!

— Онъ ловко притворяется, — э? Джимъ?

Джимъ что-то проворчалъ и подвинулся къ Фреду. Вдали уже виднѣлись домики. Кар-

теръ предлагалъ такіе паивные вопросы, что они одни могли бы каждаго убѣдить въ его невинности, но его спутники даже не отвѣчали на нихъ.

Встрѣча съ однимъ старымъ боцманомъ совсѣмъ обезкуражила Фрэда. Старикъ посмотрѣлъ на Фрэда, вынулъ трубку изо рта и сказалъ ему, какъ знакомому:

— Добрый вечеръ, старина!

Отецъ и сынъ обмѣнялись многозначительнымъ взглядами.

II.

Наконецъ они вошли въ узкій переулокъ и старшій, толкнувъ дверь маленькаго домика, ввелъ Фрэда въ комнату. Первое, что бросилось въ глаза Картеру, это безукоризненная чистота и порядокъ. Онъ снялъ шляпу и съ напускной безопасностью усѣлся въ удобное кресло.

— Я пойду позову Нанъ,—сказалъ Джимъ,— а ты смотри, чтобы онъ не удралъ!

Онъ вышелъ и тотчасъ изъ сосѣдней комнаты послышался взволнованный женскій голосъ.

Фредъ всталъ и съ притворнымъ равнодушіемъ углубился въ разсматриваніе висѣвшей на стѣнѣ гравюры: «Возвращеніе моряка».

— Она придетъ сію минуту,—объявилъ Джимъ входя.

— А это, пожалуй, лучше, что я его не тронулъ,—сказалъ отецъ.—Если бы я сдѣлалъ съ

нимъ то, что мнѣ хотѣлось, его бы и родная мать не узнала!

Фрэдъ иронически засмѣялся и съ скучающимъ видомъ оглядывалъ комнату. Прошло десять минутъ, пятнадцать. Черезъ полчаса отецъ началъ ворчать что-то нелестное по адресу прекраснаго пола.

— Она наряжается, вотъ въ чемъ дѣло,— объяснилъ Джимъ,—и подумаешь, что это все для него!

Наконецъ послышались легкіе шаги и дверь скрипнула. Картеръ оглянулся съ безпокойствомъ, и первое, овладѣвшее имъ чувство— было удивленіе слѣпотѣ его двойника: дѣвушка была настоящая красавица, съ глазами, блестящими, какъ звѣзды, отъ радости и счастья!

— Гдѣ же онъ?—живо спросила она.

— Что?!—отецъ былъ пораженъ.—Какъ гдѣ? Да развѣ ты его не видишь?

Сіяніе звѣздъ померкло, и дѣвушка уныло оглядѣлась вокругъ.

— Тотъ?—спросила она презрительно.— Тотъ? Развѣ это мой Бертъ?

— Совершенно вѣрно,—сказалъ Фрэдъ вѣжливо.—Я самъ имъ это говорю.

— Да ты посмотри хорошенько!—настаивалъ отецъ.

— Хоть бы я смотрѣла на него цѣлые сутки, ничто не измѣнится.

Миссъ Эвансъ была разсержена не на шутку.

— Какъ могли вы такъ ошибиться!

— Ошибки случаются иногда,—великодушно проговорилъ Фредъ,—даже съ самыми умными людьми!

— Да ты присмотришь къ нему,—настаивалъ Джимъ,—вѣдь ты не видѣла его цѣлыхъ четыре года. Онъ могъ за это время измѣниться. Смотри, развѣ это носъ не Берта?

— Нѣтъ,—отвѣтила дѣвушка, посмотрѣвъ на носъ Фреда,—ничего подобнаго! У Берта былъ чудный носъ!

— Ну, посмотри на глаза! — настаивалъ Джимъ.

Миссъ Эвансъ опять посмотрѣла на Фреда и пренебрежительно кивнула головой. Она готова была обвинить его въ своемъ разочарованіи и не старалась скрыть раздраженія.

— Ну?—спросилъ м-ръ Эвансъ.

— Ничего похожаго!—отвѣтила дочь и уныло отвернулась.—Я знаю, вы не любили Берта, но зачѣмъ же его такъ оскорблять!

Она отошла къ окну и стала смотрѣть на улицу.

— Ну, а я бы поклялся головой, что это Бертъ Симонсъ,—не уступалъ отецъ

— Я тоже!—подтвердилъ сынъ.—Это самое удивительное сходство, какое я когда-либо встрѣчалъ!

И онъ глазами спросилъ отца, что же дальше дѣлать съ Фредомъ?

— Онъ можетъ идти,—сказалъ м-ръ Эвансъ важно.—Онъ можетъ идти, куда угодно, и пусть

это впередъ отобьетъ у него охоту быть похожимъ на кого-нибудь. Въ другой разъ онъ можетъ не отдѣлаться такъ дешево!

— Вы правы!—сказалъ Картеръ коротко.—Я завтра же измѣню свою наружность. Я жалѣю, что не сдѣлалъ этого раньше!

Онъ направился къ дверямъ, кивнувъ головой присмирѣвшему Эвансу, взглянулъ на профиль Нанси и медленно вышелъ.

Какъ глупъ былъ этотъ Симонсъ! Гдѣ были у него глаза и имѣлъ ли онъ хоть каплю здраваго смысла! Фрэдъ очень бы хотѣлъ быть имъ... Очевидно, сходство съ нимъ дѣйствительно существовало,—и Фрэдъ круто повернулъ обратно.

— Ну?—спросилъ м-ръ Эвансъ, когда въ раскрытыхъ дверяхъ появилась фізіономія Картера.—Чего вы вернулись?

— Я вернулся потому,—началъ Фрэдъ, тщательно запирая за собой дверь,—что во мнѣ заговорила совѣсть...

— Заговорила совѣсть?

М-ръ Эвансъ всталъ и подошелъ къ Фрэду.

Тотъ кивнулъ утвердительно головой и тревожно посмотрѣлъ на дѣвушку, такъ же неподвижно стоявшую у окна.

— Я не хотѣлъ продолжать обманъ долѣе,—продолжалъ онъ тихимъ, по яснымъ голосомъ.— Я Бертъ Симонсъ. По крайней мѣрѣ подъ этимъ именемъ я былъ у васъ четыре года назадъ.

— Я зналъ, что не ошибся!—воскликнулъ м-ръ Эвансъ.—Я его достаточно хорошо зналъ! Закрой-ка дверь, Джимъ, чтобы онъ не удралъ опять!

— Я не думаю удирать,—сказаль Фрэдъ, покосившись на Нанси.—Я вернулся самъ, чтобы все исправить.

— Нанси только изъ каприза не хочеть его признавать,—сказаль Джимъ, видя недовольное лицо сестры.

— Она испугалась, увидѣвъ меня,—сказаль Картеръ,—а я мигнулъ ей, чтобы она меня не выдавала. Кому-жъ лучше знать меня, какъ не ей!

— Какъ вы смѣете говорить такъ! Я васъ вижу первый разъ въ жизни!

— Ну, ладно, Нанъ,—перебилъ ее Картеръ.— Не стоить больше скрывать. Я вернулся, чтобы устроить все по-хорошему.

Миссъ Эвансъ захлебывалась отъ злости.

— Ну, что-жъ, дочка—правда, онъ скверно обошелся съ тобой,—но теперъ онъ вернулся. Если ты хотѣла выходить за него замужъ, такъ надо выйти,—сказаль отецъ.

— Выйти за него?—возбужденно повторила Нанси.—Выйти за него? Но я говорю вамъ, что это не Бертъ. И какъ онъ смѣеть называть меня Нанъ?

— Но прежде вы разрѣшали мнѣ это!—жалобно проговориль Фрэдъ.

— Я говорю вамъ,—обратилась къ отцу и брату миссъ Эвансъ,—это не Бертъ. Неужели вы можете думать, чтобы я его не узнала?

— Да вѣдь онъ-то знаетъ, кто онъ такой!—резонно замѣтилъ отецъ.

— Конечно, знаю! И какая надобность мнѣ утверждать, что я Бертъ, если я не Бертъ?—обиженнымъ тономъ объяснилъ Фрэдъ.

— Вотъ это дѣльно,—подтвердилъ Джимъ.—Подумай, Нанси, какая ему надобность.

— Спроси у него! — гнѣвно отвѣтила дѣвушка.

— Смотри, дочка! Ты четыре года тосковала по этомъ молодцѣ, и мы съ Джимомъ четыре года его разыскивали, а теперь, когда онъ попался, ты воротись отъ него носъ...

— Его опасно выпустить,—прибавилъ Джимъ.

И они стали обсуждать вопросъ, какъ удержатъ своего будущаго зятя.

Фрэдъ самъ помогъ имъ.

— Я поселюсь съ вами,—сказалъ онъ,—и отдамъ вамъ на сохраненіе свои деньги и вещи. Ужъ безъ гроша-то я не могу убѣжать.

И онъ вывернулъ на столъ все, что было у него въ карманѣ: семь фунтовъ семнадцать шилинговъ и четыре пенса, обратный билетъ въ Лондонъ, часы, цѣпочка, перочинный ножъ и еще другая мелочь.

Предложеніе Джима, чтобы Фрэдъ снялъ еще и сапоги, было отклонено м-ромъ Эвансомъ.

— Ну, ладно,—сказалъ м-ръ Эвансъ, пряча все:—въ тотъ день, когда вы женитесь на Нанси, я все вамъ верну.

Къ вечеру онъ пришелъ совсѣмъ въ хорошее расположеніе духа, послѣ ужина закурилъ трубку и сталъ еще веселѣе. Единственнымъ диссонансомъ этого вечера была нескрываемая холодность миссъ Эвансъ.

— Ей хочется немножко поважничать,—сказалъ отецъ, когда дѣвушка вышла,—чтобы вы не подумали, что она васъ такъ легко простила. Правда, вы съ ней поступили дурно, но повинную голову и мечъ не сѣчетъ! Вотъ мое мнѣніе.

III.

На другой день миссъ Эвансъ была уже ласковѣе,—отецъ хорошо ее зналъ!

За обѣдомъ, когда мужчины вернулись съ работы, она такъ усердно накладывала лучшіе куски Фрэду, что отецъ и братъ со страхомъ слѣдили, останется ли имъ. А когда онъ протянулъ ей свой стаканъ, она такъ щедро налила ему, что не меньше полъ-пинты прекраснаго пива, которое другой съ удовольствіемъ бы выпилъ, вылилось на полъ.

Послѣ обѣда она куда-то уходила, но къ чаю вернулась и усѣлась рядышкомъ съ Фрэдомъ, обсуждая разные вопросы, касающіеся ихъ свадьбы.

Она называла его «Бертъ» и не отняла руки, когда онъ взялъ ее въ свою.

— А я все думаю, отчего ты не признала его сразу?—добродушно спросилъ отецъ.—Это была хитрость?

— Это была глупость,—отвѣтила Нанси.— На меня иногда находить!

Картеръ нѣжно пожалъ ея руку и заглянулъ ей въ глаза, но то, что онъ въ нихъ прочелъ, заставило его призадуматься. Эти глаза были слишкомъ холодны и фальшивы для влюбленной!

— Это какъ въ былыя времена, Бертъ,—сказала миссъ Эвансъ, съ странной улыбкой.— Помните, что вы мнѣ сказали одинъ разъ послѣ обѣда, когда я приложила вамъ къ лицу горячую ложку?

— О, да!

— Повторите это опять!

— Нѣтъ, теперь я этого не повторю!—отвѣтилъ Фредъ съ удареніемъ.

Она вспомнила еще разные эпизоды изъ прошлаго, но осторожность Фрэда и ссылка на плохую память выводили его всякій разъ изъ затрудненія. Онъ былъ убѣжденъ, что все идетъ отлично, въ особенности послѣ того, какъ Нанъ, приготовивъ чай, сѣла возлѣ него и сама обняла его. Братъ, увидѣвъ это, пожалъ плечами, но м-ръ Эвансъ, оставшійся сентиментальнымъ, былъ очень доволенъ. Картеръ завладѣлъ обѣими руками Нанси и сталъ ей нашептывать какія-то

нѣжныя вещи, какъ вдругъ въ дверь стукнули и въ комнату вошелъ молодой человѣкъ.

— Добрый вечеръ,—сказалъ онъ, кивнувъ головой,—Боже! Кого я вижу! Бертъ, это ты?

— Конечно, старый другъ!—съ соотвѣтствующимъ энтузіазмомъ сказалъ Фрэдъ, вставая.

— Я думалъ, что ты уже погибъ,—продолжалъ вошедшій, крѣпко пожимая руку Фрэду.—Вотъ ужъ никогда не думалъ, что увижу тебя еще разъ собственными глазами! Вотъ сюрпризъ! Такъ и ты не забылъ Джо Вильсона, старина?

— Конечно, нѣтъ! Я вѣдь узналъ тебя съ перваго взгляда, Джо.

Снова горячее рукопожатіе, и Вильсонъ, усѣвшись въ кресло, началъ вспоминать прежнія времена.

— Я думаю, ты помнишь объ одной вещи, Бертъ?

— О какой?—спросилъ Фрэдъ съ безпокойствомъ.

— А твой маленькій должокъ?

Картеръ сдѣлалъ видъ, что припоминаетъ. Вильсонъ подробно напомнилъ ему, гдѣ и при какихъ обстоятельствахъ онъ одолжилъ ему полтора фунта. Фрэдъ послѣ нѣкотораго колебанія обратился къ своему банкиру и попросилъ уплатить деньги. Разговоръ какъ-то сразу упалъ, а послѣ неловкой паузы Вильсонъ началъ прощаться.

— Все тотъ же славный Джо!—сердечно замѣтилъ Фрэдъ, когда тотъ ушелъ.—Ничуть не измѣнился!

Миссъ Эвансъ не сказала ни слова. Она глядѣла на дверь, которая то отворялась, то затворялась, и какая-то фѣзіономія высывалась оттуда, словно играя въ прятки. Наконецъ, видя, что вниманіе достаточно привлечено, въ комнату вошелъ довольно пожилой человѣкъ и подошелъ прямо къ Фрѣду, протягивая руку.

— Какъ дѣла?—спросилъ его Фрѣдъ, стараясь улыбнуться.

— А онъ еще лучше сталъ, чѣмъ прежде!—объявилъ вошедшій, бросаясь въ кресло.

— Такъ же, какъ и вы,—отвѣтилъ Картеръ.

— Ну, я очень радъ васъ видѣть,—опять продолжалъ тотъ,—я надѣюсь что вы не забудете позвать на свадьбу стараго Бена Проута!

— Вы будете первымъ, кого я позову, Бенъ!—поспѣшилъ отвѣтить Фрѣдъ.

М-ръ Проутъ всталъ и горячо пожалъ ему руку.

— Да!—сказалъ онъ сентиментально, снова усѣвшись въ кресло,—Какъ человѣкъ можетъ ошибаться! Какъ онъ можетъ быть несправедливъ! Четыре года назадъ, когда вы исчезли отсюда, я сказалъ себѣ: «ну, Бенъ Проутъ—плакали твои денежки! Ты никогда не увидишь больше своихъ двухъ фунтовъ»!

Улыбка сбѣжала съ лица Фрѣда. Остальнымъ тоже стало какъ-то неловко.

— Двухъ фунтовъ?—переспросилъ Фрѣдъ.—Какихъ двухъ фунтовъ?

— Двухъ фунтовъ, которые я вамъ одолжилъ,—отвѣтилъ печальнымъ голосомъ м-ръ Проутъ.

-- Когда?—спросилъ Картеръ съ усиліемъ.

— А помните, мы пошли на пристань и встрѣтили м-ра Прюта?—напомнила миссъ Эвансъ.

Картеръ вопросительно взглянулъ на Нанси. Ея улыбка и странный блескъ въ глазахъ заставили его призадуматься. Онъ обратился къ м-ру Эвансъ и, насколько могъ спокойно, попросилъ его уплатить долгъ. М-ръ Прютъ ждалъ съ протянутой рукой.

— Вотъ деньги,—сказалъ Эвансъ, нехотя отсчитывая два фунта.—Конечно, долги платить нужно, но...

Онъ остановился въ изумленіи, видя, что м-ръ Прютъ, схвативъ деньги, опрометью бросился изъ комнаты.

Картеръ уже былъ приготовленъ ко всему, и его голосъ не дрогнулъ, когда онъ отдавалъ распоряженія заплатить еще тремъ джентльменамъ, поочередно являвшимся навѣстить миссъ Эвансъ. Когда ушелъ послѣдній, м-ръ Эвансъ не могъ болѣе сдержать свое негодованіе. Онъ всталъ и, отдавая Фрѣду часы, цѣпочку, обратный билетъ и нѣсколько мѣдныхъ монеть, проговорилъ тяжело дыша:

— Возьмите ихъ себѣ! Я вижу, вы должникъ всей Англіи. Вы попрошайка—вотъ вы кто!

И онъ показалъ на дверь. Картеръ открылъ ротъ и что-то неясно пробормоталъ. Миссъ Эвансъ наблюдала эту сцену съ веселымъ видомъ.

— Ложь никогда не ведетъ къ добру!—сказала она, стараясь быть строгой.

— Прощайте!—сказаль Фрэдъ, направляясь къ дверямъ.

— Вы сами виноваты, — продолжала миссъ Эвансъ, почувствовавъ угрызенія совѣсти.—Такъ какъ вы назвали себя Бертомъ Симонсомъ, а меня «Нанъ», хотя я васъ вижу первый разъ въ жизни, я должна была это сдѣлать!

— Это все пустяки, — сказалъ Фрэдъ.—Я желаль бы, чтобы я былъ Бертъ Симонсъ, вотъ и все. Прощайте!

— Вы желали бы быть?!..—вскричалъ м-ръ Эвансъ, стоявшій все время съ раскрытымъ отъ удивленія ртомъ.—Вотъ это ловко! Такъ кто же вы—Бертъ Симонсъ или нѣтъ?

— Нѣтъ,—сказаль Фрэдъ.

— И вы никому не были должны?

— Никому,—отвѣтила за него Нанси.— Это я все устроила, чтобы наказать его.

М-ръ Эвансъ съ дикимъ крикомъ бросился къ дверямъ.

— Я вытяну эти деньги у нихъ изъ горла, если не найду ихъ въ карманахъ! А вы оставайтесь тутъ.

Онъ выбѣжалъ на улицу. Джимъ кинулся за нимъ.

— Вашъ отецъ приказаль мнѣ остаться,—сказаль Картеръ.

— Оставайтесь...—отвѣтила она тихо.

ВЪ СЕМЬѢ.

Разсказъ В. В. Джакобса.

Одинъ изъ самыхъ старыхъ обитателей Клейбери сидѣлъ подъ вывѣской трактира «Цвѣтная Капуста» и ласковыми, но уже совсѣмъ потускнѣвшими глазами смотрѣлъ по направленію деревенской улицы.

— Нѣтъ, жители Клейбери плохіе эмигранты, — сказалъ онъ наконецъ, обращаясь къ молодому туристу, сидѣвшему въ тѣни за кружкой пива. — Они знаютъ, что, куда бы они ни забрались, имъ нигдѣ не найти такого мѣстечка, какъ наша деревня.

Онъ сдѣлалъ послѣдній глотокъ пива и такъ долго сидѣлъ съ закинутой назадъ головой и приставленной къ губамъ кружкой, что молодой человѣкъ догадался, въ чемъ дѣло, и, сильно покраснѣвъ, попросилъ позволенія вновь налить пива.

— Изрѣдка нѣкоторые изъ нашихъ жителей отправлялись въ дальнія страны, — продолжалъ

старикъ, попивая свѣжее пиво и стараясь ставить кружку такъ, чтобы собесѣдникъ безъ особеннаго затрудненія могъ видѣть, насколько убавляется пива,—но, правду сказать, они всѣ возвращались домой и пеняли на себя, что уходили. Единственный человекъ, который, какъ я слышалъ, эмигрировалъ удачно и даже нажилъ себѣ на чужой сторонѣ большое состояніе, это двоюродный дѣдъ Генри Уокера, Іосія Уокеръ по имени; но онъ родомъ не изъ Клейбери. Онъ разбогатѣлъ въ Австраліи, гдѣ занимался овцеводствомъ. Ему очень хорошо живется: онъ не можетъ даже найти минуты времени, чтобы отвѣтить на одно изъ писемъ, которыя ему посылалъ Генри Уокеръ, когда у него не было ни гроша.

Генри Уокеръ слышалъ рассказы о богатомъ дѣдѣ отъ одного изъ своихъ родственниковъ, жившаго въ Лондонѣ, и постоянно говорилъ о немъ съ нами здѣсь, въ трактирѣ «Цвѣтная Капуста». Онъ любилъ разсуждать о томъ, какъ распорядится со своими деньгами старикъ и кому онѣ достанутся послѣ его смерти.

Когда лондонскій родственникъ умеръ, Генри пересталъ получать вѣсти о своемъ дѣдѣ, но его мучила мысль, что старикъ отправится на тотъ свѣтъ и оставитъ деньги постороннимъ людямъ. Онъ даже похудѣлъ отъ безпокойства и собрался было эмигрировать въ Австралію самъ, но затѣмъ послѣдовалъ совѣту Билля Чемберса, и,

вмѣсто того, чтобы ѣхать далеко, написалъ дѣду письмо, еще разъ напомнивъ ему, что онъ уже старъ, живетъ одиноко на чужбинѣ, и что ему лучше было бы пріѣхать къ Клейбери и поселиться у своего внука, который нѣжно любитъ его.

Это было хорошее, ласковое письмо, и всѣ, кто читалъ его, пожимали руку Генри Уокеру. Тамъ были даже тексты изъ Священнаго Писанія, чтобы все вышло торжественнѣе. Оно было написано на ярко-красной бумагѣ съ крайчикомъ цвѣта поджаренной корки и вложено въ зеленый конвертъ. Билль Чемберсъ говорилъ, что только человекъ съ камненнымъ сердцемъ не растрогаетъ такое письмо.

Четыре мѣсяца спустя, Генри Уокеръ получилъ отвѣтъ отъ своего дѣда. Письмо было очень любезно. Дѣдъ благодарилъ Генри за приглашеніе, соглашался съ тѣмъ, что онъ уже старъ, и писалъ, что въ концѣ концовъ онъ, можетъ быть, и вернется въ Англию, такъ какъ ему пріятнѣе умереть на родинѣ. Онъ обѣщалъ, если вернется, непременно навѣститъ своего двоюроднаго внука, Генри Уокера.

Мы всѣ думали, что наслѣдство уже за Генри Уокеромъ, но Бобъ Претти, довольно дрянной малый, употреблявшій всѣ усилія къ тому, чтобы испортить хорошую репутацію нашей деревни, сунулся со своимъ носомъ въ это дѣло и сказалъ:

— Я только тогда повѣрю, что онъ вернется на родину, когда увижу его своими глазами.

По-моему, онъ отправился въ Австралію, чтобы избавиться отъ тебя, Генри.

— Онъ уѣхалъ туда, когда меня еще и на свѣтѣ не было,—отвѣтилъ Генри Уокеръ.

— Онъ прекрасно зналъ твоего отца,—опять сказалъ Бобъ Претти, — и поэтому не желалъ подвергать себя опасности, оставаясь здѣсь.

Бобъ и Генри переругались, и съ тѣхъ поръ каждый разъ, когда Бобъ встрѣчалъ Уокера, онъ спрашивалъ его о здоровьѣ дѣдушки, какъ будто тотъ жилъ уже у Генри.

— Ты долженъ почаще водить гулять старика, Генри,—говорилъ онъ,—ему вредно сидѣть взаперти, да еще въ такомъ домѣ, какъ твой.

Генри Уокеръ не зналъ, что отвѣчать Бобу, и выходилъ изъ себя отъ злости. Онъ началъ бояться, что дѣдъ никогда не вернется въ Англию, и сердился, если ктонибудь при немъ произносилъ слово «дѣдъ».

Прошло полгода съ тѣхъ поръ, какъ онъ получилъ письмо изъ Австраліи. Однажды вечеромъ онъ сидѣлъ съ нами здѣсь, въ «Цвѣтной Капустѣ». Вдругъ Дикки Видъ, портной, обратившись къ Бобу Претти, спросилъ:

— Что это за старикъ поселился у тебя, Бобъ?

Бобъ осторожно опустилъ кружку на столъ и обернулся къ нему.

— Старикъ? — медленно проговорилъ онъ. — О чемъ это ты говоришь?

— Да о старикѣ съ сѣдыми бакенбардами и крикливымъ голосомъ!—отвѣтилъ Дикки Видъ.

— Тебѣ это приснилось,—сказалъ Бобъ, принимаясь за пиво.

— Я также видѣлъ его, Бобъ,—сказалъ Билль Чемберсъ.

— А! И ты его видѣлъ!—закричалъ Бобъ, изо всей силы хлопнувъ кружкой по столу.—Какъ вы смѣете ходить вокругъ моего дома и шпионить? Что вамъ нужно?

— Шпионить?—разинувъ отъ удивленія ротъ, спросилъ Билль Чемберсъ.—Да я вовсе не шпионилъ. Право, можно подумать, что ты, Бобъ, сдѣлалъ что нибудь дурное, и тебѣ насъ стыдно.

— Смотри лучше за собой, а до меня тебѣ нѣтъ дѣла,—съ бѣшенствомъ отвѣтилъ Бобъ.

— Я проходилъ мимо его дома,—обращаясь къ памъ, сказалъ Билль Чемберсъ,—и вдругъ вижу, что у окна ихъ спальни сидитъ старикъ. Я остановился и началъ раздумывать, кто бы это могъ быть. Въ это время его оттащили отъ окна. Я видѣлъ его такъ же ясно, какъ вообще вижу все, что дѣлается вокругъ меня. Онъ высокаго роста и одѣтъ очень неопрятно.

— Кромѣ того, онъ кашляетъ такъ, какъ будто его конецъ уже близокъ; я самъ слышалъ это,—замѣтилъ Дикки Видъ.

— Мало ли что тебѣ приходилось слышать, Дикки,—сказалъ Бобъ портному.—Одну только вещь тебѣ никогда не приходилось слышать, да

и не придется услышать: добраго слова о самомъ себѣ.

Онъ опрокинулъ стулъ, попавшійся ему на дорогѣ, и вышелъ изъ трактира такой злой, какимъ мы его еще никогда не видали. Но удивительнѣе всего было то,—я могу подтвердить это, такъ какъ самъ видѣлъ,—удивительнѣе всего, что онъ оставилъ почти полной свою кружку.

— Онъ что-то замышляетъ,—сказалъ Семь Джонсъ, глядя ему вслѣдъ. — Помяните мое слово!

Но мы никакъ не могли сообразить, что случилось. Нѣсколько дней подрядъ всѣ бѣгали смотрѣть на домъ Боба, какъ на диковинку. Прохожіе останавливались подъ окнами, дѣти играли у крыльца и не спускали глазъ съ двери. Наконецъ любопытные увидѣли старика: онъ сидѣлъ у окна и странно на всѣхъ поглядывалъ. Распространился слухъ, что это несчастный бродяга, котораго Бобъ Претти встрѣтилъ на улицѣ и изъ жалости приютилъ у себя, но стѣснялся говорить о добромъ дѣлѣ, боясь, что падъ нимъ будутъ смѣяться.

Никто, разумѣется, этому не повѣрилъ, а дѣло становилось все удивительнѣе. Разъ или два старикъ выходилъ гулять, но его всегда сопровождали Бобъ или его жена, а когда кто-нибудь пытался съ нимъ заговорить, они отвѣчали, что онъ глухъ, и спѣшили увести его. Но вотъ однажды вечеромъ Дикки Видъ ворвался какъ сумаспед-

шій сюда въ трактиръ съ такой новостью, отъ которой у насъ захватило духъ.

— Я только что съ почты,—кричалъ онъ.— Тамъ получено письмо на имя старика, который поселился у Боба Претти! Что вы объ этомъ думаете?

— Если бы ты могъ намъ сказать, что написано въ этомъ письмѣ, то тебѣ было бы чѣмъ похвастать,—сказалъ Генри Уокеръ.

— Миѣ этого вовсе не падо знать,—отвѣтилъ ему Дикки Видъ;—съ меня достаточно было увидѣть имя на конвертѣ. Я еле повѣрилъ своимъ глазамъ, но вотъ что на немъ было написано: «Мистеру Юсіи Уокеру». Я видѣлъ это такъ же ясно, какъ вижу теперь носы на вашихъ лицахъ.

Мы, понятно, сейчасъ же смекнули, въ чемъ было дѣло, и удивлялись, что раньше ничего не понимали. Всѣ молча начали слушать Генри Уокера, начавшаго бранить негодяя, который укралъ у него дѣда. Три раза Смитъ, содержатель трактира, говорилъ: «Тише!» На четвертый разъ онъ вытолкалъ Генри Уокера за дверь и предложилъ ему остаться тамъ, пока тотъ не выкричится и не потеряетъ голоса.

Генри Уокеръ постоялъ на улицѣ пять минутъ, а затѣмъ вернулся въ трактиръ посоветоваться съ нами. Онъ думалъ, что Бобъ, воспользовавшись глухотой старика, выдавалъ себя за Генри Уокера. Такого оскорбленія онъ не могъ перенести и вновь началъ кричать. Не успѣлъ Смитъ

опять сказать «тише!»—какъ мы услышали чей-то свистъ, дверь открылась и въ трактиръ вошла Бобъ Претти.

Едва онъ переступилъ порогъ, какъ Генри Уокеръ набросился на него съ такой бранью, что Бобъ вытаращилъ глаза, какъ будто не вѣря своимъ ушамъ.

— Ты, кажется, взбѣсился, Генри?—сказаль онъ наконецъ.

— Верни мнѣ моего дѣда!—во все горло завопилъ Генри Уокеръ.

Бобъ Претти покачалъ головой.

— Да у меня нѣтъ твоего дѣда, Генри,—очень ласково сказаль онъ.—Правда, его зовутъ также Юсией Уокеръ, но что же изъ этого? На свѣтѣ, вѣроятно, не мало людей съ этимъ именемъ. Этотъ Юсiя Уокеръ тебѣ вовсе не родня: онъ очень почтенный старикъ.

— Я самъ пойду къ нему и поговорю съ нимъ,—не унимался Генри Уокеръ, и поднялся было съ своего стула.—Я расскажу ему, кто ты такой!

— Онъ уже легъ спать, Генри,—остановилъ его Бобъ.

— Это не бѣда: я приду завтра рано утромъ.

— Пожалуйста, не вздумай явиться въ мой домъ, Генри, послѣ того, какъ ты наговорилъ мнѣ столько дерзостей,—сказаль Бобъ.—Я бѣдный человѣкъ, но, несмотря на это, я умѣю быть гордымъ. Да, кромѣ того, я вѣдь говорю тебѣ, что это вовсе не твой дѣдъ. Это несчастный стъ

рикъ, котораго я взялъ къ себѣ изъ жалости. Я не желаю, чтобы ему надоѣдали.

— Сколько онъ платитъ за себя въ недѣлю, Бобъ?—спросилъ Билль Чемберсъ.

Бобъ пропустилъ эти слова мимо ушей.

— А гдѣ взяла твоя жена денегъ, чтобы купить себѣ шляпу, которая была на ней въ воскресенье?—опять спросилъ Билль.—Моя жена говоритъ, что она въ первый разъ увидѣла ее въ шляпѣ.

— А откуда у васъ новыя завѣски на окнахъ?—продолжалъ допросъ Питеръ Геббинсъ.

Бобъ допилъ пиво, всталъ со стула, загадочно посмотрѣлъ на насъ, затѣмъ открылъ дверь и вышелъ изъ трактира, не проронивъ ни слова.

— Онъ держитъ твоего дѣда какъ бы въ тюремномъ заключеніи у себя въ домѣ, Генри,—сказалъ Билль Чемберсъ;—вѣдь мы всѣ видимъ, что бѣдный старикъ ужъ недолго протянетъ. Я увѣренъ, что Бобъ не прозѣваетъ уговорить твоего дѣда оставить ему всѣ деньги.

Генри Уокеръ опять вскочилъ и началъ ругаться. Послѣ этого онъ нѣсколько дней дѣлалъ все возможное, чтобы заговорить со старикомъ, но ему никакъ не удавалось перехитрить Боба. Въ Клейбери всѣ говорили, что это позоръ, бранили Боба, но ничто не помогало. Генри Уокеръ бросилъ работу и по нѣсколько часовъ подъ-рядъ простаивалъ подъ окнами Боба Претти, надѣясь перемолвиться хоть однимъ словомъ со старикомъ.

Наконецъ онъ добился своего самымъ неожиданнымъ образомъ. Мы всѣ опять сидѣли вечеромъ въ трактирѣ и, по обыкновенію, разсуждали о дѣдушкѣ Генри Уокера, какъ вдругъ дверь открылась и вошелъ самъ старикъ. Мы замолчали и уставились на него, а онъ самымъ спокойнымъ образомъ подошелъ къ вырубкѣ и заказалъ себѣ стаканъ пива.

Билль Чемберсъ первый пришелъ въ себя и тотчасъ же со всѣхъ ногъ бросился за Генри Уокеромъ. Не успѣли мы и оглянуться, какъ ужъ онъ вернулся съ Генри. Оба едва переводили дыханіе, такъ скоро они бѣжали.

— Вотъ... онъ... сидитъ!—сказалъ Билль Чемберсъ, указывая Генри на старика.

Генри Уокеръ взглянулъ на насъ, подскочилъ къ старику и, улыбаясь, сказалъ ему:

— Здравствуйте!

— Что?—спросилъ старикъ.

— Здравствуйте!—опять сказалъ Генри Уокеръ.

— Я немного глуховать,—отвѣтилъ ему старикъ, приложивъ руку къ уху.

— Здравствуйте! — во все горло закричалъ Генри.—Я вашъ внукъ Генри Уокеръ!

— Въ самомъ дѣлѣ,—сказалъ старикъ, ни капельки не удивившись.—Бобъ Претти уже говорилъ мнѣ о васъ.

— Надѣюсь, что вы не обращали вниманія на его слова. Бобъ болтаетъ все, что угодно, и не знаетъ только молитвъ.

— Онъ говоритъ, что вамъ нужны мои деньги,—сказаль старикъ, глядя на Генри.

— Онъ лгунъ,—закричалъ Генри Уокеръ.— Ему самому нужны ваши деньги. Вамъ вовсе не слѣдуетъ жить у него. Всякій скажетъ вамъ, что онъ мошенникъ.

— Всѣмъ нужны мои деньги,—опять сказалъ старикъ, поглядывая на насъ.

— Надѣюсь, дѣдушка, что вы будете лучшаго мнѣнія обо мнѣ послѣ того, какъ поживете въ моемъ домѣ,—отвѣтилъ ему Генри Уокеръ, сядя рядомъ съ нимъ.— Не желаете ли вы еще стаканъ пива?

— Джину и пива!—сказаль старикъ, сердито взглянувъ на Смита.— Но джинъ долженъ быть налить въ стаканъ, а не оставаться у васъ въ бутылкѣ, какъ это было съ первымъ стаканомъ.

Смитъ спросилъ его, что значать эти слова, по старикъ опять оглохъ. Генри Уокеръ велѣлъ налить своему дѣду двойную порцію джину. Сдѣлавъ глотокъ, старикъ успокоился и началъ мирно разговаривать съ Генри.

— Почему вы не хотите жить въ моемъ домѣ?—наконецъ спросилъ его Генри.— Вы можете дѣлать у меня, что вамъ угодно; вамъ ни въ чемъ не будутъ отказывать.

— Бобъ Претти говоритъ, что вамъ нужны мои деньги,—повторилъ старикъ, качая головой.— Я боюсь вѣрить вамъ.

— Онъ говорить это только для того, чтобы возстановить васъ противъ меня.

— Но зачѣмъ же вы тогда непременно хотите, чтобѣ я жилъ у васъ?—удивлялся мистеръ Уокеръ.

— Потому что вы мой дѣдъ,—отвѣтилъ Генри, — и вамъ приличнѣе жить подѣ моимъ кровомъ. Вѣдь мы съ вами близкіе родственники.

— Такъ вамъ не нужны мои деньги?—спросилъ старикъ, зорко глядя на Генри.

— Разумѣется, не нужны!

— А сколько я долженъ платить вамъ въ недѣлю? Какъ хотите, но это самое главное.

— Платить?—переспросилъ Генри, не думая о томъ, что говорить.—Платить? Да вы будете жить у меня даромъ!

Старикъ сказалъ, что онъ подумаетъ объ этомъ, и Генри началъ спрашивать его объ отцѣ и старой теткѣ Маріи; но м-ръ Уокеръ сразу же остановилъ его, сказавъ, что ему невыносимо надоѣла вся семья Уокеровъ и что онъ до самой смерти не желаетъ слышать ни одного слова объ этихъ людяхъ. Тогда Генри сталъ говорить объ Австраліи, спросивъ, сколько головъ овецъ было у него тамъ, но лишь только онъ завелъ объ этомъ рѣчь, какъ старикъ поднялся, повторивъ опять, что Генри нужны его деньги.

Генри тотчасъ же велѣлъ подать ему еще джина и пива. Выпивъ стаканъ, старикъ объявилъ, что согласенъ пожить немного у Генри для пробы.

— Но я ровно ничего не буду платить,—сердито замѣтилъ онъ.—Помните это!

— Я не взялъ бы съ васъ ни гроша, если бы вы даже предлагали мнѣ деньги,—отвѣтилъ ему Генри.—Вѣдь вы сегодня же вечеромъ переберетесь ко мнѣ? Не правда ли?

Прежде чѣмъ старый м-ръ Уокеръ успѣлъ разинуть ротъ, дверь открылась, и въ трактиръ вошелъ Бобъ Претти. Онъ взглянулъ на Генри, потомъ подошелъ прямо къ старику и положилъ руку ему на плечо.

— Я вездѣ искалъ васъ, м-ръ Уокеръ,—сказалъ онъ,—и думалъ ужъ, что съ вами случилось какое нибудь несчастье.

— Не безпокойся, пожалуйста, о немъ, Бобъ: онъ теперь будетъ жить у меня.

— Ты ошибаешься,—сказалъ Бобъ, взявъ за руку старика,—онъ мой жилецъ и сейчасъ же пойдетъ ко мнѣ.

Онъ повелъ было старика къ двери, но Генри, не поднимаясь съ мѣста, нагнулся и обѣими руками обхватилъ ноги м-ра Уокера. Бобъ тянулъ старика въ одну сторону, Генри—въ другую, и оба кричали другъ на друга. Поднялся невѣроятный шумъ, но больше ихъ двоихъ шумѣлъ м-ръ Уокеръ.

— Сію минуту отпусти моего жильца!—кричалъ Бобъ.

— Говорю тебѣ, выпусти изъ рукъ моего дѣда!—вопилъ Генри.

Они, вѣроятно, провозились бы еще долго, но Смитъ, хозяинъ трактира, подбѣжалъ къ нимъ и попросилъ ихъ уйти, говоря, что пора закрывать трактиръ. Ему, конечно, также пришлось кричать, чтобы его услышали.

— Вѣдь онъ мой жилецъ, — не угомонялся Бобъ, — не можетъ же онъ уйти отъ меня ни съ того ни съ сего! Онъ долженъ мнѣ... за недѣлю.

Опять поднялся крикъ. Наконецъ старикъ велѣлъ Генри заплатить Бобу десять шиллинговъ за недѣлю, чтобы тотъ отвязался. У Генри Уокера было съ собой всего четыре шиллинга, но остальные деньги ему одолжилъ Смитъ. Выказавъ Бобу свое мнѣніе о немъ, Генри взялъ м-ра Уокера подъ руку и, чуть не прыгая отъ радости, повелъ его къ себѣ.

На слѣдующее утро пришелъ Бобъ и принесъ небольшой жестяной сундучокъ, принадлежавшій старику. Бобъ велъ себя очень скромно и вѣжливо. Генри догадался, что онъ надѣется вернуть къ себѣ старика. Сундукъ снесли наверхъ и поставили подъ кроватью м-ра Уокера. Старикъ строго наблюдалъ, чтобы сундукъ былъ всегда запертъ и чтобы никого не было въ комнатѣ, когда онъ его открываетъ. М-съ Уокеръ съ ума сходила отъ любопытства.

— Все ли у васъ цѣло въ ящикѣ? Не вынулъ ли оттуда Бобъ чегонибудь? — спросилъ старика Генри.

— Все цѣло,—отвѣтиль м-ръ Уокеръ.—Сундукъ всегда былъ запертъ на ключъ.

— По сундуку видно, что онъ былъ сдѣланъ въ Австраліи,—сказаль разъ дѣду Генри, не зная, какъ заговорить о наслѣдствѣ.

— Если ктонибудь посмѣетъ сказать хоть одно слово объ Австраліи, я тотчасъ же уйду отсюда,—закричалъ м-ръ Уокеръ и весь покраснѣлъ отъ злости.—Помните это! Вы, вѣрно, все еще думаете о моихъ деньгахъ. Берегитесь! Вы и въ самомъ дѣлѣ не получите ни гроша, если не будете осторожнѣе!

Съ тѣхъ поръ съ языка Генри ни разу не сорвалось слово «Австралія». Онъ промолчалъ даже тогда, когда увидѣлъ, что дѣдъ сѣлъ писать письма. А старикъ такъ боялся любопытства м-съ Уокеръ, что самъ получалъ всѣ письма черезъ Боба Претти, и каждое утро отправлялся туда, чтобы узнать, не пришло ли чтонибудь на его имя.

Прошло три мѣсяца, а Генри Уокеру не удалось даже и однимъ глазкомъ взглянуть на деньги дѣда. Но хуже всего было то, что онъ началъ таскать разные вещи у самого Генри. М-съ Уокеръ нѣсколько разъ жаловалась, что куры стали плохо нестись, и однажды утромъ за завтракомъ сказала мужу, что она не досчитывается даже двухъ куръ и что ихъ, вѣроятно, украли ночью.

— Ихъ вовсе не украли,—сказаль вдругъ м-ръ Уокеръ, ставя на столъ блюдечко съ чаемъ.—Я поймалъ ихъ сегодня утромъ и отнесъ Бобу.

— Бобу?—спросилъ Генри, задыхаясь отъ негодованія.—Это зачѣмъ?

— Потому что онъ попросилъ меня объ этомъ,-- отвѣтилъ старикъ.— Что вы на меня такъ смотрите?

Генри не могъ ему ничего отвѣтить и продолжалъ молчать. Тогда старикъ разсердился, всталъ изъ-за стола и велѣлъ м-съ Уокеръ подать ему шляпу. Генри обнялъ его чуть ли не со слезами на глазахъ и умолялъ остаться. Послѣ долгихъ разговоровъ м-ръ Уокеръ обѣщаль не уходить, но сказалъ, что такія исторіи не должны больше повторяться.

Послѣ этого онъ распоряжался, какъ ему было угодно, вещами Генри, и тотъ долженъ былъ молчать. Чуть не каждый день къ старику приходилъ Бобъ и просилъ его на всѣ лады вернуться къ нему. Чтобы утѣшить Боба, м-ръ Уокеръ всякій разъ дарилъ ему какую нибудь вещь, принадлежавшую Генри. Но Билль Чемберсъ передалъ Генри, что ему достанутся деньги дѣда: онъ объ этомъ слышалъ отъ Боба, а тому передалъ по секрету эту новость самъ м-ръ Уокеръ. Генри рѣшилъ терпѣливо переносить всѣ непріятности.

Старикъ прожилъ у Генри полтора года, какъ вдругъ однажды утромъ его нашли мертвымъ: онъ скончался ночью, не проснувшись. Генри зналъ, что здоровье м-ра Уокера неважно; ему сказалъ это докторъ Гринъ и прибавилъ, что онъ

не можетъ вылѣчить старика. Генри тогда тотчасъ же заплатилъ доктору. Но онъ, всетаки, удивился, что это случилось такъ скоро. Узнавъ, что дѣдъ умеръ, м-съ Уокеръ до-красна натерла глаза передникомъ, и супруги долго шептались о томъ, какой капиталъ имъ придется получить.

Не прошло и десяти минутъ, какъ новость узнала вся деревня. Толпа народа сбѣжалась къ дому Уокеровъ; всѣмъ хотѣлось узнать, сколько денегъ выпало на ихъ долю. Генри Уокеръ на минуту пріоткрылъ окно и мотнулъ головой, чтобы любопытные разошлись. Нѣкоторые изъ нихъ отошли было на десятокъ шаговъ, но опять остановились, какъ вкопанные, завидя Боба Претти. Бобъ важно прошелъ мимо всѣхъ и, подойдя къ двери, громко постучалъ въ нее.

— Что я слышу?—сказалъ онъ, когда Генри впустилъ его.—Неужели бѣдный старикъ въ самомъ дѣлѣ скончался? Я говорилъ ему, что этимъ кончится, если онъ поселится у тебя.

— Убирайся!—закричалъ Генри.—Тебѣ онъ ничего не оставилъ!

— Я и безъ тебя знаю это,—отвѣтилъ Бобъ, покачавъ головой.

— Поздравляю тебя, Генри, если тебѣ что нибудь перепало. Я никогда не имѣлъ злобы на тебя за то, что ты сманилъ отъ насъ старика. Я видѣлъ, что ты почему-то полюбилъ его; я догадался объ этомъ, услышавъ, какъ ты увѣрялъ всѣхъ, что это твой дѣдъ.

— Не болтай пустяковъ!—сказаль Генри.— Это въ самомъ дѣлѣ былъ мой дѣдъ.

— Думай, какъ тебѣ угодно, Генри,—отвѣтилъ Бобъ,—но если бы ты спросилъ меня, то я сказалъ бы тебѣ, что это былъ дѣдъ моей жены.

— Дѣдъ твоей жены?!—закричалъ Генри не своимъ голосомъ.

Минуты двѣ онъ простоялъ съ вытаращенными глазами, какъ дуракъ, и не могъ вымолвить ни слова. Онъ былъ внѣ себя отъ отчаянiя, что наполовину разорился, потративъ напрасно столько денегъ на дѣда м-съ Претти.

— Но вѣдъ старика звали такъ же, какъ и дѣда Генри Уокера?—спросилъ Билль Чемберсъ, стоявшій въ толпѣ.

— Что же изъ этого?—отвѣтилъ Бобъ. Вѣдъ этимъ онъ никому не вредилъ. Я нѣсколько разъ повторялъ Генри Уокеру, что это вовсе не его дѣдъ, но онъ не вѣрилъ мнѣ. У меня есть свидѣтели, что я говорю правду...

...Такъ вотъ я и говорю, что въ нашей деревнѣ не было богатыхъ эмигрантовъ!

ЧЕТЫРЕ ГОЛУБЯ.

Разсказъ В. В. Джакобеа.

Старикъ взялъ свою кружку изъ-подъ пива и подвинулся съ нею на самый край скамьи, чтобы укрыться въ тѣнь, бросаемуя огромными вазами, стоявшими у входа въ пивную «Цвѣтная капуста». Кстати онъ очутился такимъ образомъ какъ разъ противъ двухъ незнакомцевъ, которые зашли сюда освѣжиться послѣ долгой прогулки по жарѣ.

— Мой слухъ замѣтно притупился,—началь опъ дрожащимъ голосомъ,—когда вы предложили мнѣ первую кружку пива, я едва слышалъ васъ, а если бы вы предложили мнѣ вторую, я, пожалуй, и вовсе не слышалъ бы этого.

Одинъ изъ незнакомцевъ молча кивнулъ головой.

— Да, тамъ бы я навѣрное не слышалъ,—продолжалъ старикъ,—поэтому-то я и подвинулся поближе къ вамъ. Вѣдь это было бы не-

вѣжливо съ моей стороны, если бы я ничего не отвѣтилъ на ваше вторичное предложеніе выпить еще кружечку пива!

Онъ оглянулся въ ту сторону, откуда теперь появился хозяинъ пивной, и нерѣшительно протянулъ ему свою пустую кружку. Хозяинъ посмотрѣлъ на незнакомцевъ и, увидѣвъ, что одинъ изъ нихъ утвердительно кивнулъ головой, наполнилъ кружку старика.

— Пиво придаетъ мнѣ жизнь,—проговорилъ старикъ, поднося кружку ко рту и клаясь въ знакъ благодарности.—Оно развязываетъ мнѣ языкъ.

— Пора уже двигаться въ путь, Джекъ,—замѣтилъ одинъ изъ путешественниковъ другому.

Но тотъ отрицательно покачалъ головой и выразилъ желаніе докурить сначала свою трубку.

— Я слышалъ, вы говорили что-то про охоту,—продолжалъ старикъ,—это напомнило мнѣ о томъ, что и у насъ въ Клейбери тоже когда-то охотились. У насъ вѣдь водилось много дичи, и только благодаря этому низкому человѣку, этому негодному Бобу Притти,—я всегда называлъ его «позоромъ Клейбери»,—у насъ совершенно перестали охотиться. Случилось это такимъ образомъ. Нашъ помѣщикъ уѣхалъ на годъ за границу и отдалъ свой домъ одному господину изъ Лондона,—его фамилія Сеттонъ. Это былъ настоящій баринъ, щедрый и добрый и въ высшей степени гостепріимный. Въ октябрѣ къ нему

пріѣхало множество друзей изъ Лондона, чтобы охотиться на фазановъ.

«Въ первый же день охоты они больше распугали дичи, чѣмъ убили ея, но, несмотря на это, они проводили время очень весело, какъ вдругъ одинъ изъ господъ, не убившій еще ничего въ этотъ день, подстрѣлилъ бѣднаго Билля Чемберса, сновавшаго вокругъ съ дюжиной другихъ зѣвакъ. Дробь попала Биллю въ спину и въ щеку, но онъ счелъ нужнымъ поднять по этому случаю такой шумъ, что можно было подумать, что онъ раненъ смертельно. Онъ лежалъ на землѣ и стоналъ, не открывая глазъ, такъ что всѣ думали, что онъ умираетъ, пока, наконецъ, Генри Валькеръ не осмотрѣлъ его и не узналъ, въ чемъ дѣло.

«Четверо человекъ отнесли Билля домой, и онъ такъ измучилъ ихъ всѣхъ, что трудно даже повѣрить. Они должны были говорить только шопотомъ, и когда Питеръ Губбинсъ забылся—засвисталъ, Билль упрекнулъ его въ безсердечіи. Если они шли слишкомъ скоро, онъ говорилъ, что они трясутъ его, а если они замедляли шаги, онъ увѣрялъ, что они хотятъ, чтобы онъ умеръ среди дороги. Билль пролежалъ въ постели цѣлую недѣлю; господинъ, ранившій его, былъ очень внимателенъ къ нему и все время упрекалъ себя въ неосторожности. Онъ не только уплатилъ доктору Грину за визиты къ больному, но даже далъ потомъ Биллю Чемберсу десять

фунтовъ, чтобы вознаградить его за перенесенныя страданія.

«Билль собирался пролежать еще цѣлую недѣлю въ постели, и докторъ, посѣщавшій его два раза въ день, не ручался за его жизнь, если онъ встанетъ раньше, но десятифунтовый билетъ оказался слишкомъ соблазнительнымъ для Билля, и въ одинъ прекрасный вечеръ, недѣлю спустя послѣ этого приключенія, Билль очутился въ пивной «Цвѣтная капуста» и принялся тамъ сорить деньгами.

«Все лицо его было забинтовано, и когда онъ вошелъ въ пивную, онъ говорилъ слабымъ голосомъ и едва стоялъ на ногахъ. Смитъ, хозяинъ пивной, притащилъ ему кресло и нѣсколько подушекъ изъ своей гостиной, и Билль расположился на нихъ, какъ король, и принялся рассказывать намъ о своихъ страданіяхъ и о томъ, что онъ чувствовалъ, когда его подстрѣлили.

«Я всегда говорилъ, что пиво творить чудеса, и, дѣйствительно, оно подѣйствовало на Билля лучше, чѣмъ посѣщенія доктора. Когда онъ пришелъ, онъ едва держался на ногахъ, а въ девять часовъ вечера онъ, какъ ни въ чемъ не бывало, плясалъ уже на столѣ. Онъ разбилъ двѣ кружки и пролилъ три кружки пива, но нисколько не смутился этимъ, сунулъ руку въ карманъ, вытащилъ горсть мелкихъ монетъ и заплатилъ за все, не говоря ни слова.

«Питеръ Губбинсъ смотрѣлъ на эти деньги, какъ очарованный.

«— По-моему, стоитъ быть подстрѣленнымъ, чтобы получить такую кучу денегъ,—сказаль онъ задумчиво.

«— Не безпокойся, Питеръ, — сказаль тутъ Бобъ Притти,—еще многіе изъ васъ окажутся подстрѣленными, пока эти городскіе господа будутъ охотиться въ нашихъ мѣстахъ. Билль первый, но далеко не послѣдній изъ пострадавшихъ; будь увѣренъ, что я правъ.

«— Ну, впередъ они навѣрное будутъ осторожниѣе,—замѣтилъ Дикки Уидъ, портной.

«— Конечно, подобные случаи не повторятся,—сказаль Самъ Джонсъ.

«— Мы будемъ сами тоже осторожниѣе,—добавиль Питеръ Губбинсъ.

«— А я готовъ пари держать, что еще когонибудь изъ васъ подстрѣлятъ,—настаиваль упорно Бобъ Притти,—кто хочетъ держать пари?

«— А какое будетъ пари, Бобъ?—спросиль Самъ Джонсъ, подмигивая другимъ.

«— Я вѣдь прекрасно вижу твое подмигиваніе, Самъ,—замѣтилъ ему Бобъ,—но я больше не желаю держать пари, такъ какъ въ послѣдній разъ мнѣ такъ и не уплатили проигрыша. Я предлагаю вмѣсто того вотъ что: я готовъ платить тебѣ шесть пенсовъ за недѣлю все время, пока будетъ продолжаться охота, съ тѣмъ, что ты обѣщаешь мнѣ уплатить половину тѣхъ де-

негъ, которые ты получишь, если тебя подстрѣлять на охотѣ. Мнѣ кажется—это будетъ вполнѣ справедливо.

«— А будешь ли ты и мнѣ давать шесть пенсовъ въ недѣлю на тѣхъ же условіяхъ?—спросилъ Генри Валькеръ, подойдя къ Бобу.

«— Хорошо,—отвѣтилъ ему Бобъ,—я уплачу тебѣ, а также и всѣмъ другимъ, кто пожелаетъ это на тѣхъ же условіяхъ, и даже готовъ хоть сейчасъ уплатить впередъ по шести пенсовъ всѣмъ, кто пожелаетъ это.

«Жители Клейбери никогда еще не отказывались получить деньги, если ихъ легко можно было заработать, и всѣ они готовы были поступить въ клубъ Боба Притти, какъ они это называли. Но прежде всего онъ потребовалъ бумаги и чернилъ и заставилъ Смита, хозяина пивной, написать договоръ, который всѣ они должны были подписать. Первымъ расписался Генри Валькеръ, потомъ Самъ Джонсъ, Питеръ Губбинсъ, Ральфъ Томсонъ, Джемъ Голлъ и наконецъ Вальтеръ Беллъ. Бобъ заявилъ, что шестерыхъ вполнѣ достаточно, и тотчасъ же уплатилъ имъ всѣмъ по шести пенсовъ впередъ и пожелалъ всяческой удачи.

«Всѣ они не столько радовались деньгамъ, сколько тому, что имъ наконецъ представится случай проучить Боба, котораго никто у насъ не любилъ.

«Они такъ потѣшались надъ нимъ, что Бобъ

разсердился и ушелъ домой и два или три вечера совсѣмъ не показывался въ пивной, а когда насталь опять день охоты, онъ даже уѣхаль совсѣмъ въ Викгамъ.

Въ тотъ же день подстрѣлили Генри Валькера. Нѣсколько человекъ цѣлились въ кролика—и не успѣли они понять, въ чемъ дѣло, какъ уже Генри Валькеръ лежалъ на землѣ и кричалъ во все горло, что ему подстрѣлили ногу.

Онъ кричалъ и шумѣлъ даже больше Билля Чемберса, когда его подняли съ земли и положили на носилки, чтобы нести домой, и онъ положительно неприлично выругаль доктора Грина, когда тотъ вошелъ къ нему въ комнату, весело потирая себѣ руки.

Бобъ Притти узналь объ этомъ происшествіи вечеромъ въ пивной и тотчасъ же пустился бѣжать къ Генри. Но когда онъ вошелъ въ комнату больного, тотъ спалъ такъ крѣпко, что Бобу ничего не оставалось сдѣлать, какъ сѣсть на его больную ногу, чтобы разбудить его.

— Это я, старина,—сказаль онъ, ласково улыбаясь Генри, когда тотъ закричалъ отъ боли. Я совершенно забыль, что и ты состоишь членомъ моего клуба, и только Смитъ напомнилъ мнѣ объ этомъ. Пожалуйста, не вздумай брать меньше десяти фунтовъ за увѣчье, Генри!

Генри Валькеръ съ усталымъ видомъ закрыль опять глаза и томнымъ голосомъ проговориль чуть слышно:

«— Я совершенно забылъ сказать тебѣ, Бобъ, что сегодня утромъ еще я рѣшилъ выйти изъ твоего клуба.

«— Почему же ты не пришелъ и не сказалъ этого раньше, пока еще было не поздно?—сказалъ Бобъ, съ сожалѣніемъ покачивая головой.

«— Мнѣ нужны будутъ всѣ эти деньги, Бобъ,—слабымъ голосомъ продолжалъ Генри,—очень можетъ быть, что мнѣ придется сдѣлать деревянную ногу.

«— Ну, въ такомъ случаѣ не стоитъ и говорить о деньгахъ,—мягко замѣтилъ Бобъ,—поставь свою деревянную ногу на счетъ мистеру Сеттону, и если ты дѣйствительно лишишься одной ноги, то, конечно, я не возьму съ тебя денегъ.

«Онъ простился съ Генри и ушелъ, а когда м-съ Валькеръ вошла къ мужу, она застала его въ неописуемомъ бѣшенствѣ.

«Онъ пролежалъ больше недѣли, хотя, по моему мнѣнію, раны его совсѣмъ не были такъ ужасны, но дѣло въ томъ, что никто не зналъ, кто именно подстрѣлилъ его. Мистеръ Сеттонъ говорилъ съ нами по этому поводу и наконецъ послѣ долгихъ переговоровъ и послѣ того, какъ Генри надоѣлъ имъ всѣмъ смертельно, показывая свои прострѣленные брюки и обнажая передъ ними свою болѣзненную ногу, они рѣшили сдѣлать складчину и уплатили Генри также десять фунтовъ, какъ и Биллю.

«Бобу Притти пришлось пробыть два дня, раньше чѣмъ онъ получилъ свою половину, но

дѣло въ томъ, что онъ не хотѣлъ поднимать шуму, чтобы мистеръ Сеттонъ не узналъ про его клубъ. Наконецъ онъ объявилъ Генри, что поѣдетъ въ Викгамъ, чтобы посовѣтоваться тамъ съ адвокатомъ, а хозяинъ пивной Смитъ счелъ своимъ долгомъ прочесть Генри подписанный имъ договоръ и убѣдить его въ томъ, что ему придется заплатить больше половины, если онъ будетъ упорствовать въ своемъ отказѣ; тогда, скрѣпя сердце, онъ отдалъ свой долгъ Бобу и объявилъ ему, что не желаетъ его больше видѣть.

«Бобъ явился въ тотъ же вечеръ въ пивную «Цвѣтная капуста» и рассказалъ всѣмъ, какъ жестоко съ нимъ обошелся Генри Валькеръ. На глазахъ его даже навернулись при этомъ слезы, и онъ объявилъ, что, если бы все это зналъ заранѣе, никогда не устроилъ бы своего клуба.

«— Это самое лучшее, что ты могъ бы сдѣлать, — сказалъ Самъ Джонсъ. Если меня пристрѣлять, то я желаю получить всѣ деньги сполна, и поэтому объявляю тебѣ, что я выхожу изъ твоего клуба.

«— И я тоже, — замѣтилъ Питеръ Губбинсъ, — я бы съ ума сошелъ, если бы мнѣ пришлось уплатить пять фунтовъ такому негодяю, какъ ты; ужь лучше я отдамъ эти деньги своей женѣ!

«Всѣ остальные тоже выразили желаніе выйти изъ этого клуба, но Бобъ объявилъ имъ, что, такъ какъ они только наканунѣ опять получили

отъ него по шести пенсовъ, то они и должны остаться членами клуба еще эту недѣлю.

— Такъ, по крайней мѣрѣ, предписывается и закономъ,—сказалъ онъ.

Нѣкоторые изъ нихъ предложили ему вернуть эти шесть пенсовъ, но онъ объявилъ, что въ такомъ случаѣ они должны вернуть всѣ пенсы, полученные ими отъ него въ продолженіе трехъ недѣль. Въ концѣ концовъ они согласились, съ тѣмъ, что еще эту недѣлю будутъ членами его клуба, и на этомъ порѣшили.

«На другой день Самъ Джонсъ и Питеръ Губбинсъ измѣнили свое рѣшеніе. Самъ нашелъ нѣсколько шиллинговъ, которые спрятала отъ него жена въ своемъ воскресномъ чепчикѣ, Питеръ Губбинсъ открылъ копилку своего сына, чтобы посмотрѣть, много ли тамъ денегъ. Они пришли въ пивную, чтобы уплатить Бобу по восемнадцати пенсовъ каждый, но не нашли его тамъ; когда же они отправились къ нему на домъ, жена его объявила имъ, что онъ уѣхалъ въ Викгамъ и не вернется раньше субботы. Такъ что имъ ничего больше не оставалось, какъ пропить свои деньги, что они и сдѣлали.

«Происходило это все во вторникъ, и до пятницы, когда назначена была опять охота, все шло хорошо. Но фазановъ становилось уже мало, а охотники во что бы то ни стало хотѣли подстрѣлить всѣхъ птицъ. Нѣсколько разъ сторожа предупреждали ихъ, что слѣдуетъ стрѣ-

лять осторожнѣе, такъ какъ кругомъ—люди, но они не слушались ихъ и на опушкѣ лѣса подстрѣлили такимъ образомъ Сама Джонса и Питера Губбинса—Сама въ ногу, а Питера въ руку.

«Поднялся невыразимый шумъ и гамъ, каждый увѣрялъ, что виновать не онъ, а мистеръ Сеттонъ былъ такъ разстроены, что не могъ стоять на мѣстѣ отъ досады. Бѣдные Самъ и Питеръ были отнесены домой, причемъ они такъ громко выражали свои страданія, что мистеръ Сеттонъ не слышалъ собственныхъ словъ, которыми онъ отчитывалъ своихъ друзей.

«— Мнѣ кажется, кругомъ только слышны крики раненыхъ,—сказалъ онъ со злостью.

«— Да вонъ тамъ лежитъ еще одинъ подстрѣленный,—сказалъ ему кто-то изъ сторожей.

«Самъ Джонсъ и Питеръ Губбинсъ на минуту перестали стонать, и всѣ ясно слышали крики. Оказалось, что недалеко въ полѣ бѣдный Вальтеръ Белкъ лежалъ распростертый на землѣ и стоналъ во весь голосъ.

«— Въ чемъ дѣло?—крикнулъ ему мистеръ Сеттонъ.

«— Меня кто-то подстрѣлилъ сзади,—отвѣтилъ Вальтеръ,—я только что нагнулся, чтобы завязать свой башмакъ—и вдругъ кто-то выстрѣлилъ мнѣ въ спину.

«— Но вѣдь съ той стороны никого не было? замѣтилъ мистеръ Сеттонъ, обращаясь къ сторожамъ.

«— Охотники разбрелись по всѣмъ направле-
ніямъ, сударь. Я слышалъ еще одинъ выстрѣлъ
минуту двѣ спустя послѣ того, какъ были под-
стрѣлены эти оба человѣка.

«— Я увѣренъ, что онъ самъ это сдѣлалъ на-
рочно, — закричалъ мистеръ Сеттонъ въ бѣ-
шенствѣ.

«— Какъ же онъ могъ стрѣлять въ себя сзади,
сударь?—замѣтилъ сторожъ, почесывая въ за-
тылкѣ.

«Вальтера тоже отнесли на носилкахъ домой,
и докторъ Гринъ провелъ весь остатокъ дня въ
томъ, что ходилъ отъ одного больного къ дру-
гому, вынималъ дробь и уговаривалъ ихъ лежать
спокойно. Ему пришлось перевязывать Сама
Джонса уже поздно вечеромъ, причемъ м-съ
Джонсъ одной рукой держала свѣчу, а другой
вытирала слезы. Дважды уже докторъ прикрик-
нулъ на нее и велѣлъ ей держать свѣчу попря-
мѣе, какъ вдругъ больной замѣтилъ, что вся
постель занялась. Докторъ говорилъ впослед-
ствіи, что Самъ держалъ себя молодцомъ. Онъ
самъ вскочилъ съ постели и помогалъ тушить
огонь, а затѣмъ усѣлся на лѣстницѣ со сломан-
ной ножкой стула и требовалъ, чтобы ему при-
вели жену.

«Конечно, эти три несчастные случая вызвали
пѣлую бурю въ Клейбери. Всѣ охотники увѣ-
ряли, что никто изъ нихъ ни въ чемъ не вино-
вень, а мистеръ Сеттонъ чуть съ ума не сошелъ

отъ злости. Онъ говорилъ имъ, что они сдѣлали его посмѣшищемъ во всей окрестности, и что всѣмъ имъ можно давать стрѣлять только холостыми зарядами. Изъ-за этого возникли такіе крупные разговоры, что въ тотъ же вечеръ двое изъ друзей его уѣхали обратно въ Лондонъ.

«Конечно, въ пивной «Цвѣтная капуста» тоже не мало было толковъ по этому случаю, и всѣ говорили о томъ, какой счастливецъ этотъ Бобъ Притти: вѣдь четверо изъ его клуба проиграли ему пари!

«Какъ я уже говорилъ, Бобъ уѣзжалъ и вернулся только на слѣдующій день, въ субботу, но за то, какъ только онъ появился въ пивной, тамъ началась страшная перебранка, дошедшая чуть не до драки.

«Начальъ Генри Валькеръ.

«— По всей вѣроятности, ты слышалъ уже наши новости?—проговорилъ онъ, многозначительно глядя на Боба Притти.

«— Да, слышалъ. Сердце мое обливалось кровью при мысли объ этихъ несчастныхъ. Вѣдь я же говорилъ вамъ, какіе это охотники, но никто изъ васъ не хотѣлъ мнѣ вѣрить. Теперь вы сами видите, что я былъ правъ.

«— Странно только то,—продолжалъ Генри Валькеръ, оглядываясь кругомъ,—что всѣ подстрѣленные принадлежали именно къ твоему клубу, Бобъ.

«— Это уже мое счастье, Генри,—отвѣчалъ ему Бобъ,—я всегда былъ счастливымъ съ дѣтства, насколько я помню.

«— Неужели ты воображаешь, что ты такъ и получишь половину всѣхъ денегъ, которые имъ дадутъ?—спросилъ Генри.

«— Не говори о деньгахъ, пока они еще такъ страдаютъ, эти несчастные,—замѣтилъ Бобъ,—я удивляюсь твоему безсердечію, Генри.

«— Ты не получишь ни одного пенса отъ нихъ, Бобъ, и кромѣ того ты вернешь мнѣ еще пять фунтовъ, которые я тебѣ далъ.

«— Какія глупости, Генри!—замѣтилъ Бобъ, ласково улыбаясь ему.

«— Я получу назадъ свои пять фунтовъ,—продолжалъ Генри,—и ты знаешь почему, Бобъ. Я теперь знаю, съ какой цѣлью ты устроилъ этотъ клубъ, и удивляюсь тому, какими дураками мы всѣ были.

«— Говори про себя, Генри,—замѣтилъ Джонъ Биггсъ, которому показалось, что Генри смотритъ на него, говоря это.

«— Я все хорошенько обдумалъ и теперь для меня все ясно, какъ на ладони. Бобъ Притти скрывался въ лѣсу и оттуда подстрѣлили всѣхъ насъ.

«Одну минуту въ пивной воцарилось такое молчаніе, что слышно было бы паденіе булавки, потомъ поднялся такой гамъ и шумъ, что нельзя было разобрать ни слова. Всѣ кричали и шу-

мѣли, какъ могли, и только одинъ Бобъ Притти оставался спокоенъ и молчаливъ, какъ и раньше.

«— Бѣдный Генри,—сказаль онъ наконецъ,— онъ, повидимому, сошелъ съ ума. Вѣдь же отсутствовалъ все время. Полдюжины людей могутъ подтвердить, что я находился въ Викгамѣ какъ разъ въ то время, какъ произошло это несчастье.

«— Такіе люди, какъ ты, готовы свидѣтельствовать что угодно за кружку пива,—кричалъ Генри,—но я не намѣренъ терять время въ разговорахъ съ тобой, Бобъ, я пойду прямо къ мистеру Сеттону.

«— На твоёмъ мѣстѣ я бы этого не сдѣлалъ, Генри,—замѣтилъ Бобъ.

«— Вотъ какъ, а я сдѣлаю!—отвѣтилъ Генри.

«— Я такъ и думалъ, что ты сошелъ съ ума, Генри,—сказаль Бобъ, вышивая пиво, которое кто-то по ошибкѣ оставилъ на столѣ,—а теперь я вполне убѣдился въ этомъ. Вѣдь если ты расскажешь мистеру Сеттону, что это не его друзья подстрѣлили этихъ несчастныхъ, онъ ничего имъ не дастъ. Или ты думаешь, что онъ все же заплатитъ имъ за увѣчье?

«Генри Валькеръ, гордо стоявшій какъ разъ противъ Боба, сразу въ изнеможеніи опустился на скамью.

«— Кромѣ того онъ можетъ потребовать п отъ тебя свои десять фунтовъ обратно, Генри,— замѣтилъ еще мягче Бобъ Притти.—А такъ какъ

ты былъ настолько добръ, что половину отдалъ мнѣ, а остальную пропилъ, то неизвѣстно, чѣмъ ты ему заплатишь. Прежде надо подумать, а потомъ уже говорить, Генри, помни это.

«Генри Валькеръ опять вскочилъ на ноги, но не могъ придумать, что бы ему отвѣтить на этотъ вызовъ, и только потрясалъ кулакомъ, называя Боба Притти мошенникомъ и убійцей.

«— Ты теперь виѣ себя, Генри. Когда ты снова придешь въ себя, тебѣ будетъ жаль, что ты такъ обругалъ ни въ чемъ неповиннаго человѣка, отягощеннаго больной женой и многочисленнымъ семействомъ. Но если ты примешь мой совѣтъ, я бы совѣтовалъ тебѣ больше ничего не говорить о твоихъ глупыхъ догадкахъ, если ты хочешь, чтобы эти несчастные получили что-нибудь. И лучше хранить молчаніе обо всемъ этомъ, чтобы слухи о нашемъ клубѣ не дошли до мистера Сеттона или его сторожей.

«Этого требовало простое благоразуміе, конечно; но, какъ замѣтилъ Джонъ Биггсъ, ужасно было знать, что этотъ негодяй Бобъ Притти выйдетъ опять сухимъ изъ воды и кромѣ того еще сохранить за собою пятифунтовый билетъ Генри.

«— Знаешь что,—сказалъ онъ, обращаясь къ Валькеру,—надо предупредить обо всемъ остальныхъ, и тогда въ благодарность за услугу они, можетъ быть, и дадутъ тебѣ деньги, которыя ты принужденъ былъ уплатить Бобу.

«— Прежде они должны уплатить мнѣ все сполна,—замѣтилъ Бобъ,—я человѣкъ бѣдный и никому не уступлю своихъ правъ. А что, касается стрѣльбы, такъ будьте увѣрены, что если бы стрѣлялъ я, они не отдѣлались бы такъ легко, особенно Валькеръ.

«— Не отвѣчай ему ничего, Генри,—проговорилъ Джонъ Биггсъ,—пойди лучше къ Джонсу и къ другимъ и расскажи имъ все; это можетъ быть развеселить ихъ немного.

«— Напомни имъ тоже о половинѣ, которую они должны мнѣ, а то, можетъ быть, они такъ развеселятся, что забудутъ о ней совсѣмъ,—сказалъ Бобъ Притти, направляясь къ дверямъ.— До свиданія, господа.

«Два дня спустя мистеръ Сеттонъ отправился навѣстить пострадавшихъ. Всѣ охотники разѣхались уже, но они устроили складчину, чтобы вознаграждать потерпѣвшихъ за увѣчье. Каждый долженъ былъ получить по десяти фунтовъ, какъ и первые пострадавшіе, но мистеръ Сеттонъ сказалъ, что онъ слышалъ, что тѣ деньги давно уже пропиты въ пивной «Цвѣтной капусты», и поэтому онъ рѣшилъ выдавать всѣмъ по десяти шиллинговъ въ недѣлю, пока всѣ деньги не выйдутъ. Ему пришлось повторить это нѣсколько разъ, прежде чѣмъ его поняли, и Вальтеръ Белль принужденъ былъ крѣпко прикусить простыню, чтобы не разразиться страшными ругательствами.

«Питеръ Губбинсъ первый появился въ пивной съ подвязанной рукой и въ такомъ плохомъ настроеніи духа, что никто изъ насъ не могъ развеселить его. Онъ рассчитывалъ блеснуть тутъ десятью блестящими соверенами и никакъ не могъ примириться съ разочарованіемъ, выпавшимъ на его долю.

«— Я удивляюсь тому, какъ онъ узналъ объ этомъ?—сказалъ Дикки Уидъ.

«— Я могу это сказать тебѣ,—замѣтилъ Бобъ Притти, сидѣвшій одиноко въ углу и привѣтливо кивавшій головой Питеру, не замѣчавшему его.—Одинъ изъ моихъ друзей въ Викгамѣ написалъ ему обо всемъ. Онъ былъ такъ возмущенъ тѣмъ фактомъ, что Билль Чемберсъ и Генри Валькеръ пропили всѣ деньги, что онъ написалъ письмо, подписанное «Другъ рабочаго», описалъ все, какъ было, и посовѣтовалъ ему, какъ поступить въ данномъ случаѣ.

«— Это твой другъ? Что ему вздумалось писать?—спросилъ Джонъ Биггсъ съ недоумѣніемъ.

«— Не знаю,—отвѣтилъ Бобъ,—это очень образованный человѣкъ и онъ очень любитъ писать письма. Онъ намѣренъ завтра написать еще другое письмо, если только во-время я не остановлю его...

«— Другое письмо?—сказалъ Питеръ, только что говорившій, что онъ въ жизни ни слова не скажетъ съ Бобомъ Притти,—какое письмо?

«— Относительно того, будто я подстрѣлилъ васъ всѣхъ. Я желаю возстановить свою репутацію,—вѣдь противъ меня нѣтъ никакихъ уликъ, а свидѣтелей у меня много. Но въ общемъ мнѣ все это представляется настолько подозрительнымъ съ точки зрѣнія мистера Сеттона, что онъ навѣрное ничего больше не дастъ вамъ; ему и безъ того было неприятно стать всеобщимъ посмѣшищемъ.

«— Ты не сдѣлаешь этого, Бобъ,—сказалъ Питеръ.

«— Но это не я, дружище, это мой пріятель. Но я готовъ отговорить его, если мнѣ только отдадутъ половину всего; я увѣренъ, что я сумѣю убѣдить его.

«Сначала Питеръ заявилъ, что не дастъ ни пенса,—пусть его пріятель пишетъ, сколько угодно писемъ, но потомъ онъ одумался и попросилъ Боба подождать, пока онъ посоветуется съ Самомъ и Вальтеромъ.

«Когда онъ вернулся, онъ принесъ съ собою первую часть денегъ, полученныхъ за эту недѣлю, и отдалъ ее Бобу Притти, но тутъ же при этомъ сказалъ, что оставилъ Вальтера Белля въ состояніи, близкомъ къ помѣшательству, а Самъ Джонсъ такъ разозлился, что къ нему страшно подойти».

